

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

Мой личный
враг

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова
Мой личный враг

«ЭКСМО»

2001

Устинова Т. В.

Мой личный враг / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2001 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 5-699-02060-8

Что делать, если твоя жизнь превратилась в кошмар? Совсем рядом проносится на бешеной скорости машина, и только в последнюю секунду случайный прохожий спасает от смерти... Маньяк с ножом подстерегает на темной лестнице... Шальная пуля застревает в изящном рюкзаке... Предает любимый муж... Тележурналистке Александре Потаповой кажется, что кругом одни только враги. Но удивлению Саши не было предела, когда она узнала, что за этими страшными событиями стоит один единственный человек...

ISBN 5-699-02060-8

© Устинова Т. В., 2001

© Эксмо, 2001

Татьяна Витальевна Устинова

Мой личный враг

Моему мужу, самому лучшему парню на свете

Движущийся сноп света рассек темноту, почему-то сильно напугав ее. Звякнули приготовленные заранее ключи, и сердце замерло, сжавшись в ледяной кулачок и мешая дышать. Во двор въехала машина и, расплескивая лужи, проползла к соседнему подъезду.

Ничего страшного, просто какие-то запоздалые соседи вернулись домой.

Она знала, свет в подъезде горел только начиная с третьего этажа, а взбираться предстояло на пятый. И лифт, как всегда, не работал.

Повздыхав около двери в могильную черноту подъезда, она решила, что нет ничего глупее, чем стоять во втором часу ночи, можно сказать, в двух шагах от собственной спасительной двери и бояться сделать эти два шага.

Надо себя заставить, вспомнилось ей из какого-то анекдота.

Она открыла дверь, шагнула раз, другой и нащупала холодные ночные перила, наводящие на мысль о маньяках-убийцах, подстерегающих в темноте невинных барышень. Впрочем, невинные барышни не работают до двух часов ночи, тут же уточнила она.

С площадки первого этажа она оглянулась. Теперь казалось, что на улице гораздо светлее, чем в подъезде. Ей стало неприятно: со следующего пролета она уже не увидит прямоугольник входной двери, слабо сочащийся уличным светом.

И от зажигалки никакого толку. Горячий дрожащий язычок освещал только руку, делая окружающий мрак еще более непроглядным. Чтобы не затягивать путешествие, она спрятала зажигалку в карман и понеслась вверх по лестнице. В конце концов, где-то там, на третьем этаже, горел свет...

Ее ударили, когда до света осталось добежать совсем немного. Ударили вполне профессионально – она не слышала ни шагов, ни шума, ни даже вдоха. Она свалилась лицом вперед, стукнувшись головой о ступеньки, как кукла.

Человек, ударивший ее, был мастером своего дела. Он быстро посветил фонариком, убедился, что женщина жива, и, достав нож, слегка полоснул ее по щеке и еще раз – по уху. Чуть слышно звякнула серьга.

Затем он убрал нож и стал неторопливо спускаться вниз, где его ждала машина.

Комната была какая-то странная – очень знакомая и все-таки чужая. И люди в ней были смутно знакомые. Кажется, один из них – ее муж. А остальные кто?

Чудну все выглядело: то ли нарушение пропорций, то ли искривление пространства...

Ну да, конечно! Это от того, что она смотрит на них сверху. И не с потолка даже, а с какой-то небывалой высоты.

И эта женщина на диване, с залитым кровью лицом, – я. И комната – моя собственная. Со мной что-то случилось, и, кажется, совсем недавно.

Почему они так суетятся, если со мной все в порядке и я их отлично вижу и слышу? И почему такое бледное и потерянное лицо у человека, который вроде бы мой муж?

Нужно его успокоить. Разве он не видит, что с ней все хорошо?

Она сделала попытку шевельнуться, и стала вдруг стремительно падать со своей высоты прямо в эту комнату, полную людей и острого запаха беды – валокордина, нашатыря и белых халатов.

И это падение было гораздо страшнее того, что произошло с ней до этого.

Скорость падения все увеличивалась, и в последнее мгновение она увидела прямо перед собой собственное лицо с разрезанной щекой и синевой вокруг рта и глаз.

Я не хочу обратно в нее, молнией сверкнула мысль.

Я боюсь! Там темно и страшно.

И сразу навалилась боль, тупая, унижительная, мерзкая...

Она застонала, хватая за руки того человека, которому собиралась сказать, что с ней все хорошо.

– Вернулась... – отчетливо проговорил кто-то у нее над головой, и больше она ничего не видела и не чувствовала.

Пятью месяцами раньше

Французик, из-за которого Вика и затеяла все представление, был так себе, ничего особенного. Да и разглядеть его толком не удалось – гостей было великое множество, и французик в них потерялся, как воробей в курятнике, хотя Вика исправно подводила к нему знакомить всех вновь прибывающих.

Для Александры он перестал существовать, как только она поняла, что он меньше ее ростом.

Мужчин, которые были ниже ее, она просто не замечала. Слишком долго она проторчала у стенки на школьных и институтских дискотеках, где все потенциальные кавалеры доставали ей как раз до плеча, слишком свежи были в памяти многочисленные дурацкие прозвища, которыми ее начали награждать еще в детском саду, слишком долго она была неизменной «правофланговой» на всех без исключения школьных спортивных мероприятиях, чтобы сейчас тратить жизнь на всяких низкорослых недоумков. Теперь, когда у нее есть Андрей, ей в высшей степени наплевать, какое впечатление она производит на всех остальных.

Ее позвали оценить заграничное Викино приобретение – французского журналиста, приехавшего творить в Москву. Она оценила – не слишком высоко. Теперь оставалось со спокойной душой поесть и дожидаться Андрея.

Стоя в углу, она жевала бутерброд с тоненьким ломтиком вкусной белой рыбки и хрюкала от удовольствия.

За день она устала, набегалась, дважды промочила ноги, поругалась с оператором, чуть не опоздала с сюжетом к эфиру и получила выговор от желчного Михаила Андреевича, выпускающего редактора.

«С вашей организованностью, Саша, – сказал Михаил Андреевич, возвращая ей подписанный текст репортажа, – только на складе утильсырья работать».

И ни о чем не захотел слушать. Ни о «пробках», ни об операторе, решившем именно сегодня помотать ей нервы, ни об опоздании политика, у которого она брала интервью.

Ну и ладно, день прошел – и слава богу, следующий будет лучше. В это Александра верила свято. Самое главное – сейчас приедет Андрей и можно будет тихонечко убраться восвояси.

Взяв еще один бутерброд, Александра перехватила тоскующий взгляд Димы Тимофеева, собственного корреспондента «Вестей» в Багдаде, который толковал о чем-то с Викой, и бегло ему улыбнулась. Димка закатил глаза и поднял брови, выражая отчаяние, но Александра спастись его не собиралась. Она слишком устала, неохота ввязываться в Викины светские беседы. Прилаживая бутерброд, чтобы половчее откусить, она осторожно повернулась в сторону балкона, где было не таклюдно, и нос к носу столкнулась с французом.

– Пардон, – пробормотал он и вежливо посторонился. Рядом с ним Александра чувствовала себя слонихой.

– Ничего, – лучезарно улыбнулась она с высоты своего роста.

Весь он был какой-то невзрачный. На худом загорелом лице – очки, одет то ли бедно, то ли непривычно для русского глаза – темный свитер, темные джинсы, нелепая жилетка. И – господи, спаси и помилуй! – волосы собраны сзади в короткий хвост.

Он тоже улыбнулся. Улыбка у него оказалась приятной.

– Я, наверное, за всю жизнь столько не знакомился, сколько за сегодняшний вечер, – сказал он Александре по-русски. – И никого не запомнил.

Очень удивленная, Александра замерла с бутербродом в руках – со всегдашней своей неловкостью, за которую ее так ругал Андрей, она даже не догадалась пристроить его на тарелку. Знакомясь, французик пробормотал что-то вроде «Нотр-Дам, норсульфазол...», то есть изъяснялся явно по-своему, по-иностранному, это она точно запомнила. А теперь вдруг – на великом и могучем...

– Вы говорите по-русски? – с изрядным опозданием удивилась она.

– Говорю, – подтвердил он. – Как у каждого или почти каждого порядочного француза, у меня имеется русская бабушка вполне княжеского рода. Учить русский язык в семье считалось хорошим тоном.

– Надо же! – искренне восхитилась Александра – чуть ли не впервые в ее журналистской практике ей попался иностранец, говорящий по-русски.

Он учтиво стоял рядом, и было непонятно, что ей теперь делать – протиснуться мимо него вместе со своим бутербродом к окну или завязать с ним легкую и приятную беседу. Места между столом и французом было мало, поэтому Александра выбрала беседу, проклиная на чем свет стоит Вику, флиртующую с Димкой. Пусть бы сама развлекала своего француза – она, Александра, светскими талантами никогда не блистала.

– Вы впервые в Москве? – поинтересовалась она со всей непринужденностью, на которую только была способна. Должно быть, со стороны они выглядели забавно – изящный француз и она, зажавшая бутерброд в горсти, как последнюю гранату.

– Родители привозили лет тридцать назад. Я помню все очень смутно, – ответил он и опять улыбнулся смущавшей ее улыбкой. – Сейчас многое в Москве изменилось, верно?

Пожалуй, акцент в его речи все-таки был. Вернее, даже не акцент, а легкий намек на него, некая приятная неправильность интонации, которую трудно сразу уловить. Да, а как же его зовут? Она не собиралась с ним разговаривать и была уверена, что его имя ей не понадобится, поэтому плохо слушала Вику, когда та представляла их друг другу. И что теперь делать? Спросить? Или обойтись предложениями без обращения?

– Прошу прощения, – сказала Александра несколько смущенно, – но я не запомнила вашего имени. Меня зовут Александра Потапова. Я журналистка. Работаю корреспондентом в «Новостях» на первом телевизионном канале. – До сих пор, представляясь, она испытывала прилив жгучей гордости. – А вы?

– Меня зовут Филипп Бовэ, – ответил француз, ничуть не смущенный нарушением этикета: наверное, он сам разбирался в нем не слишком хорошо. – Я приехал в Россию писать книгу. Пробуду здесь, возможно, около года.

– Вы журналист? – спросила Александра. В то, что он знаменитый писатель, она как-то не очень поверила.

– Не совсем журналист, – ответил он, подумав. – Когда-то хотел быть журналистом. Но так им и не стал. Появились... другие дела.

Понимающе кивая, Александра думала о том, как бы повежливее отойти от него. Конечно, она уже не школьница-переросток, а вполне зрелая женщина с надежно упрятанными комплексами, но все-таки возвышаться над ним – маленькое удовольствие. Хотя он был не намного ниже, сантиметра на три, пожалуй... Но и три сантиметра ее нервировали.

– Кажется, я не даю вам есть, – догадался француз.

– Я сегодня очень устала, – доверительно сообщила ему Александра, с сожалением рассматривая рыбу на прозрачном ломтике свежего хлеба: откусить при нем она не решалась. – Пятница – самый трудный день. Обязательно произойдет что-нибудь непредвиденное. Перед выходными все стараются как следует накачать народ, чтоб никто, не дай бог, не забыл, в какое ужасное время мы живем...

– Накачать? – переспросил он недоуменно.

Александра засмеялась.

– Ну, вывалить очередную кучу чернухи, – пояснила она весело.

– Ага. Чернухи, – сказал француз и тоже засмеялся. – К сожалению, я знаю только классический русский язык, и мне иногда трудно с пониманием.

– Ничего. Если вы собираетесь писать о нас книгу и будете собирать материал, от вашего классического русского не останется и следа, – пообещала ему Александра. – Будете говорить, как все сейчас говорят.

– Вы меня утешаете, – пробормотал Филипп.

Девушка ему нравилась, и говорить с ней было приятно. По крайней мере, она не смотрела ему в лицо завораживающим взором и не старалась поразить его воображение неземной красотой или потрясающим интеллектом.

Чуть ли не весь вечер он старательно придумывался, что ни слова не понимает по-русски, и вот – на тебе! – разговорился с какой-то случайной девицей, неизвестно как попавшей на эту вечеринку восходящих звезд и почти знаменитостей.

Она была высокой – вровень с ним или даже чуть выше – и крупной. Аристократической худосочности в ней не было и в помине. Длинные ноги, сильная шея, нежная кожа, очень короткие волосы. Филиппу этот короткий блестящий «ежик» просто не давал покоя – так хотелось его потрогать. С чего бы?

– Пойдемте на балкон, а? – не выдержала Александра. – Там никого нет, и можно покурить. Вы курите?

– Курю, конечно, – сказал Филипп и как привязанный пошел за ней, разглядывая ее шею с оставленным завитком темных волос.

– Я только возьму еще бутерброд, – извиняющимся тоном сказала она. – А вы не хотите?

Филипп с удовольствием выпил бы кофе, да и не мешало бы также сделать пару звонков, однако придется выждать еще с полчаса – уехать сейчас просто неприлично.

Оказавшись на балконе, Александра заметно расслабилась. Здесь было темно и прохладно – из приоткрытой рамы тянуло осенней сыростью, пахло дождем и автомобильными выхлопами. Шум вечеринки заметно стих, но дверь, в которую должен был войти Андрей, просматривалась отсюда очень хорошо, так что она его не пропустит.

– Принести вам кофе? – спросил француз, про которого Александра совсем забыла.

– Да, если можно, – благодарно сказала она – кофе ей очень хотелось.

Глядя, как француз пробирается между гостями к столу с напитками, Александра внезапно его пожалела. Бедняга, все его бросили. Даже Вика. Он же не виноват, что не похож на Алена Делона и вообще сильно отличается от стандартного французского очаровашки, созданного русским женским воображением. Ни шарма, ни обаяния, ни пресловутой элегантности. Зачем он понадобился Вике?

Конечно, не всем удастся заполучить на вечеринку настоящего француза, а Вике удалось. Может, в этом все дело? Теперь все увидели, что француз действительно был, и больше он ей не нужен. А может, он чей-то приятель? Или друг?

– Молока не было, – сообщил француз, возникая на пороге. – Сахар я захватил.

– Спасибо, – прочувствованно сказала Александра. – Где-то здесь была пепельница.

Они закурили, глубокомысленно глядя за окно, в черную осеннюю московскую ночь.

– Вы в «Останкино» уже были? – Александра съела свои бутерброды, утолив сосущий голод в пустом желудке, а кофе и сигарета настраивали ее на благодушный лад.

– Нет, – ответил француз. – Меня приглашал господин Митрофанов, продюсер программы... – Было видно, что он силился вспомнить, какой именно.

– «После бритья», – подсказала Александра. – Это хорошая утренняя программа. Кирилл Митрофанов в наших кругах человек известный.

– Я с удовольствием посмотрю ваш телецентр, хотя ничего не понимаю в телевидении. Должно быть, это интересно. Верно?

– Ужасно интересно, – воодушевилась Александра. – Я работаю уже три года, начинала ассистентом режиссера в одной крошечной программке, а сейчас – в девятичасовых «Новостях» на первом канале.

Она явно гордилась своими успехами, эта странная девица, неловко жавшаяся в тень балкона. С ее внешностью могла бы носить себя с большей уверенностью. Такая не потеряется в любой толпе, подумал Филипп. Мимо нее никто не пройдет равнодушно. А она, похоже, себя стесняется.

– Вот вы где спрятались! – раздался вдруг торжествующий возглас хозяйки дома, и появилась Вика, таща за собой упирающуюся красавицу с длинной гривой платиновых волос и в облегающих кожаных джинсах.

Едва взглянув на эти джинсы, Филипп моментально понял, что последует дальше. Ему стало смешно.

– Это ты утащила от нас Филиппа? – Вика с дружеским укором погрозила Александре пальцем. – Он не может принадлежать только тебе. Есть и другие!

На балконе сразу стало душно от смешанного запаха экзотических духов, спиртного и сигарет. Александра съежилась на стуле, мечтая поскорее убраться отсюда и зная: стоит ей только встать, и все сразу увидят, какая она огромная. Как лошадь. И эта вобла с белыми волосами тоже увидит.

– Филипп, это моя подруга Лена, – сообщила Вика с дружелюбнейшей из улыбок, продолжая держать платиноволосую за руку. – Познакомься с моей подругой Элен, – с трудом выговорила она по-английски.

Филипп залопотал что-то, смешивая английские и французские слова, и Александра взглянула на него с веселым изумлением. Он явно делал вид, что ничего не понимает.

– Да, да, – надрывалась Вика на своем английском. – Это моя лучшая подруга Элен. Она... – Вика повернулась к Александре: – Как сказать «актриса»?

Александра подсказала нужное слово.

– Да, конечно, actress, – повторила Вика. И снова залопотала по-английски: – She is a very good actress. Last year... last year... Шурочка, скажи ему, пожалуйста, что в прошлом году ее приглашали на Бродвей!

Никто и никогда не называл Александру Шурой. Кроме Вики.

– Да ну его, Вик, пошли лучше к ребятам, – заскулила платиноволосая. – На что он тебе сдался? Плюнуть некуда...

Александре стало неловко:

– Last year, – быстро начала она, пока разговор двух задушевных подруг не зашел слишком далеко, – Helen was invited to visit New York and to take part in one of the Broadway shows.

– Fine! I spent a lot of time in NY last winter, and I like Broadway shows very much! What movie did you take part, or maybe musical? – восхитился Филипп.

– Он говорит, что прошлую зиму часто был в Нью-Йорке и что он очень любит бродвейские постановки. Он спрашивает, в каком спектакле вы играли, или, может, это был мюзикл?

– Пошел он в баню! – возмутилась платиноволосая. – Какое ему дело? Скажи, что это был спектакль для богатых. Для бо-га-тых. Он на такие не ходит.

Вика дернула подругу за руку.

– Заткнись, Ленка, – проговорила она с ангельской улыбкой. От этой улыбки Филипп внутренне содрогнулся. – Ты мне обещала. Он, конечно, ни черта не понимает, но тон есть тон. Сбавь обороты. Ты хочешь в Париж или не хочешь?

– С этим? – Сара Бернар смерила Филиппа взглядом. – У тебя что, крыша съехала?

– Да какая тебе разница, с этим или с другим? Паспорт-то у него вполне французский...

Филипп, не в силах сохранять на лице выражение приятной заинтересованности, торопливо затянулся и фыркнул. Александра с оглушительным, как ей казалось, грохотом стала выбираться из своего угла. Платиноволосая посмотрела на нее с высокомерной жалостью: сама она была ровно вдвое тоньше и изящней.

– Стой, – вдруг сообразила Вика, – не уходи. Я переводить совсем не могу, а Ленка только fuck you знает – ты же понимаешь, что это такое. Так что давай, Шурок, поработай. Ленка, спроси его о чем-нибудь. Ну соображай, соображай!..

За их спинами в глубине квартиры раздался взрыв смеха, и платиноволосая с сожалением оглянулась.

Это было уже слишком.

– Извините, я должен поговорить с мистером Королевым, – быстро проговорил по-английски Филипп и, повернувшись к Александре, добавил (также по-английски): – До скорой встречи, Алекс. – Сказав все это и коротко поклонившись, он удалился с балкона.

– Чего-чего?.. – переспросила Вика. – К Королеву ему надо? Подумать только, какая срочность!

«Хорошо, что он вообще с балкона не бросился, – мрачно подумала Александра. – А мог бы».

– И давно он называет тебя Алекс? – Вика вовсе не была дурой, и поспешный уход Филиппа ей не понравился – что-то тут было не так.

– Да не называет он меня Алекс, – с досадой ответила Александра. – Он вышел покурить, а я тут... уже курила. Ну вот и разговорились...

Почему-то Вика всегда заставляла ее оправдываться.

– Вик, ну хватит, а? – заныла истомившаяся по большой компании бродвейская знаменитость. – Можно я пойду? Или мне нужно при тебе весь вечер стоять?

– Лучше иди постой при этом французском дяденьке и Вальке Королеве. А потом пригласи его потанцевать, – настойчиво посоветовала Вика. – А лучше всего – в койку. И не выпускай, пока он тебе предложение не сделает.

Освобожденная из-под опеки платиноволосая радостно прогарцевала в квартиру, напоследок посоветовав Александре:

– Худеть нужно, девушка!

Вика засмеялась:

– Ленка всегда в своем репертуаре. Считает, если она красавица, то все остальные должны быть на нее похожи. Но говорят же – чем больше хорошего человека, тем лучше... Мужики всяких любят, верно, Шура? Я, правда, таких не встречала, но ведь Победоносцев-то пал жертвой... Сколько вы уже женаты? Год? Два?

– Полтора, – мрачно отозвалась Александра.

Под благодатным дождичком Викиных высказываний все ее комплексы ожили и выползли наружу. Сегодня ей уже обратно их не загнать. Скорее бы Андрей приехал!

– Ленку нужно пристроить, – доверительно сообщила Вика и вытащила у Александры из пачки сигарету. – Так невозможно жить, как она живет. В Москве – никого, ни родных, ни близких. Любовник, старый хрен, того и гляди бросит – уже давно на сторону поглядывает. А Ленка устраиваться никуда не хочет. Да без прописки особенно и не устроишься. Я ее попы-

талась секретаршей к нам пропихнуть, а Сорокин говорит – неси паспорт. Ему налоги на иногородних тоже нет резона платить. А у Ленки идея-фикс, хочет в шоу-бизнес или в модели...

Александре совершенно неинтересны были Ленкины злоключения, но она зачем-то слушала, как всегда, не смея уйти или прервать всемогущую Вику.

– Да еще машину разбила, – продолжала та, – а старый хрен пока ничего не знает. Узнает – вот будет история с географией... Хорошо бы ее замуж выдать, хоть за Филиппа этого. Он и впрямь не так чтобы очень, но гражданство, гражданство...

В комнате начались танцы. Изрядно набравшийся Вовик Бородин, молоденький мальчик из политической редакции, в приступе танцевального усердия налетел на стол. Зазвенела посуда, завизжали девицы.

– Пойду, – озабоченно сказала Вика и потушила сигарету. – А то еще кто-нибудь в салате уснет. Пошли, Шурка.

Александра поплелась за ней. Ноги ее уже не держали, настроение было испорчено окончательно. Андрей опаздывал просто по-свински, опять ужасно захотелось есть, да еще эта девица растревожила всегдашнюю рану.

Александра и сама знала, что не слишком изящна, но что с этим можно сделать? Худеть у нее не получалось. Работала она по двадцать часов в сутки, иногда по ночам, а ночью, как известно, всегда почему-то хочется есть. Не тратить же нервы и силы еще и на голодание! Ну не получается у нее – и все тут! Хватит ей постоянной и ежесекундной телевизионной нерво-трепки со сменой начальства, сокращениями, увольнениями, появлением новых фаворитов и изгнанием старых! К тому же ко всем новым любимчикам следовало искать – и находить! – новый подход, а со старыми сохранять добрые отношения: кто знает, в один прекрасный день они могут быть с почетом возвращены на прежнее место, и тогда позволившие себе лишнее в момент временного унижения горько об этом пожалеют.

Где уж тут худеть...

Да и бабушка всегда говорила: «В нас ты пошла, Александра, в Потаповых. Все такие были: и мои мать с отцом, и тетки, и дядя, и ты такая же». Прикрываясь, как щитом, этими бабушкиными словами – что поделаешь? Судьба! – Александра малодушно позволяла себе плыть по течению.

И за это свое малодушие она себя ненавидела.

Свет в квартире погасили, остались только замысловатые светильники, привезенные Викиным отцом из каких-то дальних странствий. Разоренный стол сдвинули к стене, возле него бесшумно суежилась Люда, Викина домработница, собирая тарелки, стаканы и окурки.

Андрей все не ехал.

Платиноволосая сирота, несколько не опечаленная собственным неустройством, плыла в объятиях какого-то типа, кажется, из редакции «Московских новостей». Странно, почему Вика не заставила ее пригласить француза?

– Я думал, что вы уехали, – проговорил Филипп прямо ей в ухо, как будто материализуясь из ее мыслей, – и даже грустил, что не успел сказать вам «до свидания».

– Муж опаздывает, – пояснила Александра, поворачиваясь в сторону темного силуэта, маячившего на фоне освещенной двери. – Обещал меня забрать и что-то не едет.

Почему-то ей было приятно говорить ему о том, что у нее имеется муж. Ей казалось, что это сообщение непременно удивит его. Но, похоже, он проглотил факт присутствия в ее жизни мужа, даже не заметив его. Так, по крайней мере, показалось Александре.

– Могу я пригласить вас потанцевать? – спросил Филипп.

– Потанцевать?! – изумилась Александра.

Ну ладно, разговаривать с мужчиной, который ниже тебя ростом, – еще куда ни шло, но танцевать с ним... Полный идиотизм!

– Я сказал что-то не то? – спросил Филипп, заметив ее реакцию. – Или Россия перешла теперь в мусульманство и танцевать с замужними женщинами запрещает Коран?

– Я не знаю, что там запрещает Коран, – начала Александра довольно громко, но тут же понизила голос, увидев, что Вика поглядывает в их сторону, – но я не могу танцевать с человеком, который... которому я... который мне...

– ...который вам не нравится, – закончил Филипп и, обняв ее за талию, слегка подтолкнул к середине комнаты.

– ...который ниже меня ростом, – прошипела смущенная Александра. – Над нами будут смеяться, слышите, Филипп?

– Никто не будет над нами смеяться, – успокаивающе заметил он, покачивая ее в ритме музыки.

Держать эту странную особу в объятиях, совсем близко от себя, было приятно. Появилось какое-то забытое чувство новизны и ожидания чего-то значительного, возможно, самого главного. Он уже давно забыл это светлое ощущение, точнее, радостное предчувствие чуда. А может, никогда его и не знал?

Хорошо, что ему попала на глаза эта девушка с бутербродом, нежно прижатым к груди. Иначе бы он весь вечер злился на себя, что теряет время, или в лучшем случае выслушивал бы дифирамбы хозяйки дома, воспевающей артистический талант ее подруги.

Поначалу Александра упиралась, как осел на горной дороге, но Филипп, как ни странно, оказался сильнее.

– Если хотите помериться со мной силой, пойдемте лучше в другую комнату, – негромко посоветовал он. – Если мы свалимся, это и вправду будет смешно. Хотите попробовать?

– Нет, – буркнула Александра, покоряясь судьбе, – не хочу. Но это шантаж.

– Согласен, – кивнул Филипп. – А что прикажете делать? Ждать, когда на меня бросится малышка Элен, решив, что мой паспорт ей вполне подходит?

Втайне удовлетворенная тем, что француз не клюнул на платиновые волосы и обтянутую черной кожей попку в виде сердечка, а вот – поди ж ты! – танцует с ней, Александра заметила рассудительно:

– Они не знали, что вы понимаете по-русски.

– Но я понимаю по-русски, и мне даже не хочется думать, что было бы, узнай они об этом.

Александра осторожно двигалась в танце, стараясь по случайности не отдавить ему ноги. У него были широкие плечи и поджарое, жилистое тело. И пахло от него очень хорошо, каким-то дорогушим парфюмом.

Приятный мужик – с юмором, сдержанный и симпатичный, хотя сразу его и не разглядишь. Надо будет познакомить его с Андреем, и можно дружить. Вика удивится от злости.

Улыбнувшись, Александра кинула взгляд в сторону Вики и обнаружила Андрея. Он стоял в дверях, высоченный и красивый, ее драгоценный, любимый, талантливый муж.

– Прошу прощения, – быстро сказала она Филиппу, – приехал Андрей, мой муж. Мне хотелось бы познакомить его с вами. Вы не возражаете?

– Ничуть, – ответил Филипп галантно, и Александра начала пробираться к Андрею.

– Я тебя заждалась, – сказала она со счастливой улыбкой, добравшись наконец до мужа, и быстро потерлась щекой о его пиджак. – Познакомьтесь. Филипп Бовэ, журналист из Франции. Андрей Победоносцев, тоже журналист. Андрей у нас знаменитость. – Это было сказано с величайшей гордостью, заметил Филипп. Она сияла, как начищенный песком самовар из коллекции Филипповой бабушки. И Филиппу это не понравилось.

– Дела задержали, – как бы извиняясь, бросил Андрей и протянул Филиппу руку.

У него был красивый низкий голос, очевидно очень подходивший для телевизионного журналиста, и представительная внешность. Вдвоем с Александрой они смотрелись до неприличия хорошо – высоченные, спортивные, улыбающиеся ровными дружелюбными улыбками.

– Андрюша! – воскликнула Вика, оказавшись рядом. – Что такое? Почему ты опоздал? Александра познакомила тебя с господином Бовэ?

Она подставила щеку для поцелуя, и Андрей аккуратно, но с некоторой неловкостью, как показалось Филиппу, ее поцеловал.

Они заговорили о каком-то совещании, на котором сегодня утром объявили то ли о сокращении, то ли о перестройке в редакции политического вещания, и Филипп сделал шаг назад.

Александра Потапова кивнула ему и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

Через десять минут он уедет, и кончится это идиотское времяпрепровождение. У него куча неотложных дел, ведь только кажется, что год – это долго. Год пролетит, как один день. Кроме того, недели через четыре ему придется слетать в Париж, значит, к этому времени нужно подогнать все здешние дела. Он уже месяц в Москве, а не сделано и сотой доли того, что он запланировал. «Что поделаешь, Россия!.. – посетовал как-то его приятель. – Здесь пока раскачаются, жизнь пройдет». Но ждать, пока пройдет жизнь, Филиппу не хотелось.

Он давно потерял из виду Александру. Должно быть, она уже уехала.

В углу со стоном целовались, в кресле какая-то парочка самозабвенно тискала друг друга. Филиппу припомнилась собственная молодость, Сорбонна, дешевые обшарпанные квартирники, в которых так весело было когда-то пить пиво и щупать тощих обкуранных девчонок, чувствуя себя хозяином Вселенной.

Он направился к выходу, вспоминая, где оставил куртку – на вешалке или в машине. Пожалуй, в машине, но посмотреть на вешалке все же стоило, чтобы потом – спаси и помилуй, Пречистая Дева, – не пришлось возвращаться обратно.

Филипп подошел к вешалке, высматривая куртку. Вроде бы не видно. Приподнимая полы чужой одежды, Филипп продолжил изыскательские работы во втором ряду.

На кухне – совсем рядом – разговаривали. Сначала тихо, потом все громче и громче. Филипп вылез из вороха одежды и прислушался. Он слушал довольно долго, затем шагнул в полную темноту, к входной двери. Мимо него пронеслась Вика с красным и злым лицом.

Филипп осторожно, стараясь не щелкнуть замком, открыл дверь и стал спускаться вниз по лестнице. Ему нужно было подумать, а думать в лифтах он не умел.

То, что он услышал, очень ему не понравилось...

– Сашка, где материал о визите первой леди в питерский хоспис?

Вася Куренной, сменный редактор, выскочил на лестницу, где курили корреспонденты, и с размаху чуть не налетел на урну. Вид у него был безумный, глаза метали молнии... Ну прямо Зевс, или Прометей-громовержец, или кто там еще?..

– Сдала на эфир, – не поворачиваясь, ответила Александра – такие сцены повторялись каждый день, и все к ним давно привыкли. – А что?

– А то, что в аппаратной нет пленки, а через двадцать минут эфир! – Вася рванулся обратно в комнату, где сидели выпускающие, на ходу зывая: «Вова! Вова!»

Вовой звали ассистента режиссера, отвечающего за сбор материала на эфире.

Александра прислушалась к Васиным воплям, доносившимся уже из редакторской, и потушила сигарету.

– Пойду поищу кассету. Вдруг правда Вовка ее куда-то засунул, – сказала она своей лучшей подруге Ладе Ильиной.

Лада делала репортажи о культурной жизни столицы и отличалась необыкновенной красоты бюстом, а также умением никогда не перетруждаться. Она всем нравилась, потому что была миролюбива и незлопамятна.

– Да брось ты, – волнуящим низким голосом проговорила Лада. – Ну куда они могли ее засунуть? В унитаз спустить? Вовка мимо нас в сортир вроде не проходил, мы бы заметили...

Такой у нее был юмор.

– Покури-ка лучше со мной. – Лада чиркнула спичкой о золоченый коробок, прихваченный вчера в ресторане. – Мне одной скучно. Как твой Победоносцев? Ему правда дают собственный эфир и делают руководителем программы?

– Истинная правда, – с удовольствием подтвердила Александра.

Успехи мужа радовали и волновали ее, позволяли надеяться на какую-то новую, небывалой красоты жизнь. Давно ли они были нищими, голодными корреспондентами, рыскающими по Москве в поисках сенсаций? Давно ли Андрюша Победоносцев, ничего не умеющий, средненький журналист из Набережных Челнов, приехал покорять столицу и был готов работать кем угодно, жить где угодно, есть раз в два дня, но только бы в Москве?

Они поженились, еще ничего не зная о своем будущем, и он стал стремительно набирать обороты, догоняя и перегоняя давно устроенных рафинированных московских мальчиков из «Взгляда» и разных прочих программ, возникших из неожиданно свалившейся на журналистов гласности.

– Ты к нему в штат пойдешь или у нас останешься? – спросила Лада, вытаскивая Александра из ее грез о муже.

– Не знаю, Лад, – сказала Александра. – Вроде с ним лучше, он платить будет хорошо, ты ж понимаешь... А с другой стороны, это конец света, с мужем вместе работать...

– Да уж, – подтвердила Лада, имевшая в любовниках всех начальников по очереди. – Как только они понимают, что могут тобой командовать еще и на работе, – все, ты пропала. Лучше сразу увольняться.

– Жень! – крикнула Александра, увидев высунувшегося в коридор редактора. – Ты не знаешь, пленка моя нашлась?

– Все нашлось, – отозвался издали очкастый Женья. – Где Леша Никольский, дамы?

– Дамы не знают, – пробасила Лада и повернулась к подруге: – Ты сегодня еще снимаешь?

– И снимаю, и монтирую, – с тяжелым вздохом сообщила Александра. – Сейчас поеду в Совет Федерации, там сегодня омский губернатор пресс-конференцию проводит. Может, интервью мне даст по старой памяти.

– Для кого стараешься-то? Для царицы Вики Терехиной?

– Для нее, – ответила Александра. – Отрабатываю приглашение на банкет. Не зря же она меня, ничтожную, приглашала в высшее общество. Я там целых два бутерброда сожрала. Или три.

Лада захохотала:

– А зачем ты вообще поперлась, если знала, что она тебя потом в покое не оставит?

– Андрюшке надо было с кем-то там увидеться, о чем-то поговорить... И потом, – Александра улыбнулась, – тусовка... Ты же знаешь, как это важно.

– Кому важно? – спросила Лада, вмиг перестав хохотать. – Тебе? Или Победоносцеву?

– Это одно и то же, – сказала Александра. – Сама знаешь: «Мы говорим – партия, подразумеваем – Ленин...»

– Оно конечно, – согласилась Лада, – подразумеваем. Только он, великий журналист Победоносцев, – создание собственных твоих рук. Все мы прекрасно знаем, где бы он был сейчас, если бы не ты. Ты Сорокина уговорила его в штат взять, ты его у себя прописала, ты с ним по ночам в монтажной сидела, ты за него тексты писала...

– Ну и что? – раздражаясь, перебила Александра – она не выносила разговоров о том, что сама себе сделала мужа. – Будь он тупицей, там бы он и остался, где был, так что мое сидение в монтажной ни при чем. Конечно, я ему помогала в меру своих сил, но все, чего он достиг, он достиг сам.

– Я и не говорю, что он тупой, – пробормотала Лада, зная, что в подобные дискуссии с Александрой лучше не вступать. – Просто ты же с Викой стараешься не общаться, а вот Андрюшке надо, и ты – сколько угодно...

– Потапова, к телефону тебя! – закричали из аппаратной, и Александра тяжело затрусила к распахнутой двери.

– Обедать пойдешь? Ждать тебя? – спохватилась Лада, позабывшая самое главное – пригласить Александру в буфет: есть в одиночестве она терпеть не могла.

– Еще не знаю, что с моей камерой, где она ездит, – задержавшись у двери в аппаратную, ответила Александра. – Если успею – пойду. Подожди минут пять, а?

Поесть как следует ей так и не удалось. Почему-то в кошельке оказалось очень мало денег: только на кофе и булку, на кусок мяса уже не хватило, а занимать у Лады Александра постеснялась – та и без того почти всегда за нее платила.

В Совете Федерации, после всегдашней волынки с пропусками, которая повторялась каждый день, хотя пресс-служба исправно заказывала Александре пропуск, а вся охрана прекрасно знала ее в лицо, она долго носилась по этажам, преследуя неуловимого омского губернатора.

Как всегда, никто не знал, будет ли пресс-конференция вообще, а если будет, то где именно. Знакомый парень из агентства Рейтер сказал, что все отменили, а Наташа Мигальцева из РИА «Новости» – что, наоборот, назначили на четыре часа. Время еще было, и Александра отправилась разыскивать министра финансов, который, по слухам, сегодня весь день провел в Совете Федерации.

Общаться с министром финансов было очень трудно – журналистов он на дух не выносил, поэтому взять у него интервью представлялось редкой удачей.

Может, сегодня повезет, размышляла Александра, карауля под дверью приемной председателя Совета Федерации. Тогда в эфир пойдут два моих материала. Это хорошо, просто отлично. Вика будет довольна.

Александра боялась Вику Терехину, хотя ей стыдно было признаться в этом даже самой себе.

Министр финансов выскочил из приемной, когда Александра, устав маяться под дверью, отошла покурить и посидеть на круглом диванчике у лифта, оставив на стреме оператора Сашу. Ни на кого не глядя, наморщив чело, омраченное государственными заботами, министр быстро пошел в сторону лифтов, а журналисты кинулись за ним, как гончие за лисицей, понимая, что, если они упустят зверя, хозяин будет очень недоволен.

Александра швырнула сигарету в пепельницу и в волнении поднялась с диванчика. Ничего не подозревающий министр двигался прямо на нее, гончих его охрана теснила, увещевала и не пропускала.

– Владимир Федорович! – воскликнула Александра, когда многострадальный министр оказался рядом с ней. – Прошу прощения, меня зовут Александра Потапова, «Новости» первого канала...

Министр покосился на нее и пробурчал, не сбавляя хода:

– И что?

– Вы не могли бы ответить на пару вопросов о вашей сегодняшней встрече с председателем Совета Федерации? Всего два, Владимир Федорович!

– Нет, – буркнул министр, – не мог бы.

Но Александра не отставала, хотя рослый охранник то и дело загораживал от нее шефа. Краем глаза Александра заметила, что ее оператор прорвался через заграждение и бегом догоняет их по коридору, неся тяжеленную камеру в обнимку, как ребенка.

– Владимир Федорович, всего пять минут! – умоляла она. – Первый канал, девятичасовые «Новости», пожалуйста, Владимир Федорович! Обещаю, что не задам ни одного вопроса про бюджет!

Министр снова покосился на нее и совершенно неожиданно засмеялся. Александра, не веря своим глазам, неуверенно улыбнулась в ответ. Подошел лифт, двери открылись, демон-

стрируя золотисто-малиновое богатое нутро, и министр широким жестом пригласил Александра внутрь.

– Ох, журналисты, – пробормотал он и опять засмеялся, – из гроба достанете или загоните в него, я еще окончательно не понял. Ладно, давайте ваши вопросы. Внизу, в конференц-зале. И только пять минут.

– И он дал мне интервью, ты представляешь? Конечно, никакие не пять минут, мы общались минут пятнадцать. Охрана никого и близко не подпустила, материал прошел только у нас, даже энтэвэшники сплеховали. – Александра откусила изрядный кусок раскисшего банана и перевернула на сковороде отбивную. – К началу омской пресс-конференции мы, конечно, малость опоздали, но это даже к лучшему, потому что мне нужно было всего секунд сорок видео, и вполне хватило того, что мы записали потом... Ты меня слушаешь?

– Пытаюсь, – ответил Андрей довольно холодно.

Он думал о своих делах, и сегодня Александра как-то особенно его раздражала.

Для него все это уже мелко – радость от случайного интервью со случайным министром, а потом пресс-конференция, на которую они чуть не опоздали... У него другие, куда более важные думы, и Александра ему мешала. Какого черта он приехал с работы так рано!

– Андрюш, ну поговори со мной! – не отставала она. – Не хочешь меня слушать, расскажи, как у тебя с программой. Ладка сегодня спрашивала, уйду я к тебе или останусь в «Новостях», а я даже не знала, что ей ответить. Как ты думаешь, уйду я или останусь?

Раздражаясь еще больше, Андрей налил себе воды из стеклянной бутылки. С некоторых пор он употреблял воду исключительно в стеклянных бутылках, пластиковые презирал, как умеют презирать только те, кто еще вчера даже не подозревал о том, что вода бывает не только в водопроводном кране.

– Не знаю, уйдешь ты или останешься, – сказал он. – Сейчас обсуждать это – просто глупо. Программы пока нет, штат не утвержден, и так далее, и так далее...

– Но он вот-вот будет утвержден. Садись, Андрюш, все готово...

Александра ловко постелила на крохотный столик чистую салфетку, как всегда делала ее бабушка, даже когда просто собиралась выпить чаю, поставила тяжелые фарфоровые тарелки, положила приборы. Ухаживать за Андреем доставляло ей удовольствие.

– Вика сегодня была в своем репертуаре – к эфиру чуть не опоздала, с гримершей целый скандал вышел, Вася крокодиловыми слезами плакал, потому что ей не понравились тексты, которые он написал. Писала бы сама, ей-богу. Швыряла стаканы, бесилась, орала. Стыд ужасный...

– Саш, она самая популярная ведущая, – шурясь от раздражения, сказал Андрей. – Вы даже не понимаете, что это значит! Вам бы потакать всем ее капризам, каждое слово ловить, каждое требование выполнять, а вы все языки чешете, какая она, плохая или хорошая. На ней вся программа держится...

– Программа держится на Васе Куренном и Михаландреиче, – возразила Александра, поняв наконец, что он злится. – И все об этом знают. Вику Терехину посадили в эфир потому, что у нее папа сам знаешь кто, только и всего. Викиной заслуги в этом нет.

– Да какое это имеет значение! – Андрей швырнул вилку. Есть ему не хотелось. Полдня он провел в баре, обсуждая с разными начальниками свою будущую программу, и теперь как раз подвернулся удобный повод отказаться от ужина и оставить жену виноватой. – Она там, где она есть. Никто из вас не ведет самые престижные вечерние «Новости» на самом престижном канале, и, значит, она лучше вас. Папа или мама, но у Вики есть то, чего нет у вас и никогда не будет, потому что вы в большинстве своем жалкие, серые мыши, и больше никто. Так что вопрос исчерпан, дорогая моя. Ясно?

– Ничего мне не ясно, – сказала Александра.

В последнее время он часто раздражался, но никогда не говорил таких глупостей.

Для того, чтобы пробиться в первые ряды на телевидении, мало одного таланта или неземной красоты. Должна быть поддержка. Должны быть «свои». Неважно кто – муж, любовник, отец, но кто-то обязательно должен подпирать сзади, прикрывать тыл, двигать вперед. Талант мог блеснуть, ослепить на мгновение и навсегда исчезнуть. «Долгоиграющие» звезды оставались на небосклоне потому, что, так или иначе, их постоянно кто-то поддерживал, невидимый и всесильный. Андрею это должно быть известно лучше всех. Свои едва наметившиеся связи он выгрызал зубами, охранял бдительно и ревностно, защищал, взращивал, холил, подкармливал и удобрял...

– Что это ты так разошелся? – спросила Александра, глядя в красивое, жесткое лицо. – Или у тебя с программой проблемы? Рассказал бы, что ли...

– Нет у меня никаких проблем, – холодно ответил Андрей.

У него была только одна проблема, но Александре о ней знать не полагалось.

Андрей смотрел, как она убирает со стола: вид у нее был унылый, старые джинсы висели на попе складками.

– Неряха, – пробормотал он и вышел из кухни.

Он считал себя порядочным и справедливым человеком, а ни один порядочный и справедливый человек не мог долго находиться в таком положении, в каком оказался Андрей Победоносцев.

Осень накрыла Москву с головой. Целыми днями моросил скучный дождь. В метро вода со сложенных зонтов капала в ботинки и сумки. Все время хотелось спать, и было очень холодно – «отопительный сезон», как всегда, не успевал за погодой.

Было много нудной работы. Осень – время политических перегруппировок, склок и скандалов, о которых надлежало детально информировать население, слишком расслабившееся за лето на дачных участках.

Александра подозревала, что, если бы население вовсе перестало получать информацию, жизнь стала бы гораздо спокойнее.

– Сань, ты чего такая хмурая? – окликнул ее в баре Дима Тимофеев, то ли прилетевший, то ли на днях улетающий в Багдад.

Александра подвинулась, давая ему место рядом с собой. Он подсел, пристроил на краешек неубранного стола чашку кофе и достал «Житан». Почему-то в этом сезоне все корреспонденты и редакторы курили исключительно «Житан».

– Я не хмурая. Я устала и спать хочу, а у меня сегодня монтаж только в ночь...

– Замолвила бы словечко перед Победоносцевым, пусть бы он меня в свою программу взял. Спецкором в Женеве, а? Багдад надоел хуже горькой редьки.

– А в Астрахань спецкором не хочешь? – подколола Александра. – Багдад ему надоел! Видали мы таких, которым Багдад надоел...

Они посмеялись немножко, как очень хорошо знающие и любящие друг друга люди.

– Ты сама-то к нему в программу собираешься переходить или как? – спросил Дима, отхлебывая кофе.

– Или как, – буркнула Александра. – Не знаю я ничего. Может, он еще меня и не возьмет. Зачем ему жена под боком?

– Оно конечно, – согласился Дима. – Только под Викой работать тоже радости никакой, я же знаю... Я каждый день господу молитву возношу за то, что меня тогда Доренко взял.

– Ну а меня некому взять, кроме Андрея, – сказала Александра и прикурила Димин «Житан». Он оказался сухим и крепким, как махорка, которую она однажды попробовала на съемках в каком-то дальневосточном порту. – А потому будем ждать, что он решит. И спешить особенно некуда, он только с первого января запускается.

Дима отхлебнул кофе и задумчиво посмотрел на Александру, размышляя, дошли до нее редакционные слухи или еще нет. И если нет, имеет ли смысл сообщать ей о них. Он не был сплетником, но незатейливое журналистское любопытство все же напоминало о себе. Будь это не Сашка, а кто-то другой, он бы все-таки задал наводящий вопросик. Но ее он слишком хорошо знал и любил, чтобы приставать с расспросами.

– Когда бабы-Клавина годовщина? – спросил он, внезапно вспомнив, какое сегодня число. – Завтра или послезавтра?

– Завтра, – ответила Александра. – Ты хочешь прийти?

– Я улетаю, Саш, – сказал Дима. – А то бы пришел...

Они усталились в чашки, каждый в свою.

Бабу Клаву знали все Александрины друзья и подруги. Она растила внучку с двух или трех лет, после того как разошлись ее родители, подкинув ребенка уже очень пожилой свекрови. Она умерла два года назад, и Александра сильно по ней тосковала.

У входа в бар произошло какое-то движение, загремел опрокинутый стул, и Дима взглянул в ту сторону.

– Ка-акие люди! И Победоносцев с ними. Посмотри, Сашка!

Очевидно, только что закончился дневной новостной эфир, потому что в бар ввалилось сразу столько начальства, сколько бывало только после совещаний и каких-нибудь ответственных эфиров. Александра сразу углядела Вику. Яркая среди темных пиджаков – роза в густых зарослях крапивы, – она сияла ухоженным лицом и зубами американского производства. И Андрей тоже был там, будущий босс среди уже состоявшихся боссов – представительный, неторопливый, дорого и модно одетый.

У Александры никогда не хватало денег на шмотки, и Андрей ей в этом вопросе совсем не помогал, но себя одевал с умением и любовью, справедливо полагая, что встречают все-таки по одежке...

Вся компания разместилась за одним большим столом в середине зала, и Андрей с кем-то из «младших» начальников отправился за кофе с пирожными, которыми славился этот бар.

Неужели не подойдет?

Очевидно, эта мысль так ясно была написана у Александры на лице, что Дима Тимофеев решил: нужно ее срочно чем-то отвлечь.

– Хочешь еще кофейку? А может, сока, а, Сань?

– Что? – как будто очнувшись, спросила Александра и отрицательно покачала головой. – Нет, спасибо. И не делай никаких далеко идущих выводов, Димка. Просто я никак не могу освоиться с тем, что мой драгоценный муж так далеко пошел.

– Еще не пошел, – пробормотал Димка, которого раздражал успех Победоносцева.

– Пошел, пошел, – уверила его Александра. – И далеко. По крайней мере, гораздо дальше меня.

За столом в центре зала что-то бурно обсуждали, демонстрируя окружающим общий демократизм и почти американскую открытость. Вика хохотала, склонялась к плечу генерального продюсера и что-то шептала ему на ушко, как казалось Александре, завлекательно и нежно. Она была единственной женщиной за столом и держалась превосходно.

– Я пошел, – сказал Димка. – Слышишь, Сань? И перестань, бога ради, тарашиться на них. Ты что, маленькая?

– Димка, когда я научусь быть такой же, а? Так же уверенно держаться, не замечать взглядов и чувствовать себя королевой? – Она повернулась к Димке, и в полумраке бара он увидел у нее в глазах отчаяние.

– Никогда, могу тебя утешить, – грубо ответил Димка. – Это совершенно не твое. Ты такая, какая есть, и этого достаточно.

В институте они пять лет просидели за соседними столами, что давало ему право быть откровенным, не боясь ее обидеть, а съеденные на кухне у бабы Клавы борщи делали это право почти законным.

– Ты не о том думаешь, – с нажимом сказал Димка. – Вика до конца жизни будет ехать в золоченой карете и вызывать фею по мобильному телефону.

Александра усмехнулась.

– И это вовсе не оттого, что она хорошая и умная, а ты глупая и плохая, – продолжал Димка. – Просто бесклассовое общество существовало только в воспаленном мозгу вождя мирового пролетариата, да и то недолго, насколько я помню историю. Мы совсем из другого класса, улавливаешь? Мы пойдем другим путем. Слышишь, Сашка?

Димка прав, думала Александра, сидя поздно ночью в монтажной. Ничего изменить нельзя. Так уж сложилось, что у Вики Терехиной и ей подобных от рождения есть все, а у нее, Александры Потаповой, только то, что она, может быть, заработает, в том числе и в этой монтажной.

Видеоинженер Гоша засыпал за пультом, толку от него не было никакого, и Александра отпустила его покурить на лестнице и купить в ночном киоске пару сосисок в тесте. В предвкушении этих сосисок она включила в розетку чайник и, набросив на себя куртку, уселась в кресло.

Ночью в «Останкино» было тихо и холодно, неоновый свет разгонял по углам мрак. Все курили прямо в аппаратных, хотя это было запрещено, и днем строгие пожарные в зеленой форме гоняли и штрафовали нарушителей. Ночь забирала остатки сил. Хотелось лечь под одеяло и ни о чем не думать – ни о работе, ни об Андрее.

Хотя об Андрее подумать следовало бы. Что-то явно не ладилось у него с программой – насколько она себе представляла, – но Александру он в свои сложности не посвящал. Что-то где-то буксовало и, естественно, беспокоило его, а она ничем не могла помочь. Она же не Вика Терехина, всесильная, знающая всех и вся и на всех и вся умеющая воздействовать. Она могла помочь, пока Андрей был слаб и беспомощен, и помогала изо всех сил.

Вспоминая те времена, Александра необыкновенно гордилась собой, тогдашней. Все она могла: писала Андрею тексты, учила брать интервью, ездила за него на съемки, когда он болел. И любовь, выросшая из этого необычного сотрудничества, казалась незыблемой и вечной, как скала.

Что-то изменилось.

Каким-то его идеалам она перестала соответствовать. Или никогда и не соответствовала? Ну, конечно, не топ-модель, не знатна и не богата, однако не так уж и плоха, и Андрей для нее – свет в окошке, самый главный человек на свете. Со смертью бабы Клавы Александра осталась совсем одна. Андрей тогда просто спас ее от отчаяния и вселенского могильного одиночества...

И все-таки что-то изменилось.

Предчувствие надвигающейся катастрофы было таким острым, что она не могла усидеть в кресле. Откинув куртку, Александра вскочила, уронив стул, на который водрузила было уставшие за день ноги. В пачке, лежащей на столе, сигарет не оказалось, и она полезла в портфель за новой.

Вряд ли он совсем уж ее разлюбил, утешала себя Александра. Утешала и не верила себе. Она ведь всегда догадывалась: если что – он пойдет по трупам, но пребывала в наивной уверенности, что ее труп ко всем остальным никогда не присоединится.

Она знала, что не годится для той роли, которую Андрей с некоторых пор стал отводить своей жене. Всем ее «достоинствам» предшествует частица «не»: не светская львица, знакомств в нужных кругах не имеет, на каблуках больше пяти минут не простоит, бассейн и салон

красоты не посещает – на бассейн нет времени, а на салон красоты – денег, Андрей спонсировать ее никогда не стремился.

Александра быстро закурила и выглянула в коридор: ей не хотелось, чтобы видеоинженер застал ее в таком состоянии.

Гоши на горизонте не было.

Александра выбросила сигарету, заварила себе кофе и, обхватив руками тяжелую фарфоровую кружку, натянула куртку чуть ли не на голову. Под курткой было тепло и приятно пахло меховой подкладкой.

Когда-то Андрей приходил к ней на ночные монтажи, даже когда сам не работал. Он сидел рядом, носил ей сигареты из киоска и писал смешные названия на ее кассетах. Счастливая, она была готова работать и днем и ночью, только бы он приходил...

Но он стал играть по другим правилам, и началось это, похоже, минувшей зимой. Тогда его, бесстрашного, отважного и талантливого корреспондента, поставили вести дневные «Новости». Потом он очень быстро перешел на вечерние и блестяще вел их, чередуясь с вечной суперзвездой Викой Терехиной, пересидевшей в кресле ведущего всех своих партнеров, а в сентябре главный продюсер общественно-политических программ предложил ему собственную программу – по вечерам в субботу, в самый что ни на есть прайм-тайм.

Все, о чем еще год назад они не смели и мечтать, внезапно свалилось им в руки. Александра была счастлива и горда, Андрей – раздражен и озабочен.

Она уговаривала себя, что все нормально, просто он осваивает новое жизненное пространство, примеряет на себя новое положение и новую должность, в которых ему, такому демократичному и, в общем, провинциальному, пока неуютно. Но время шло, настроение Андрея не менялось, хотя он давно и легко вошел в роль, будто надел пиджак, идеально подоходивший ему по размеру.

Кофе остывал, грея ее ледяные пальцы. Вытяжка утробно гудела под потолком, и этот низкий настойчивый звук проникал, казалось, в самые глубины мозга и застревал там, путаясь в вялых ночных мыслях, которые уже ничто не могло прояснить – ни сигареты, ни кофе.

Видеоинженер Гоша плюхнулся в свое кресло, потирая уставшие за ночь глаза.

– Замерзла? – спросил он, обращаясь к бесформенной куче, громоздившейся на соседнем кресле. Александра выглянула из-под куртки и сказала, улыбнувшись:

– Наоборот, согрелась.

– Много еще? – Гоша хотел казаться сердитым и не мог: на Александру Потапову видеоинженеры никогда не сердились.

– Совсем чуть-чуть, Гошенька, солнышко, – подхалимским голосом сказала Александра. – Сейчас быстренько доделаем материалчик – и спать. Кстати, а где сосиски? Или ты их по дороге слопал?

Михаландреич позвонил часов в двенадцать. Александра спала, с головой накрывшись одеялом. Она приехала с работы в восемь утра и, не выпив даже чаю, заснула под монотонный перестук дождика по жестяному подоконнику.

– Потапова, выручай, – сказал Михаландреич без предисловий. – Юлия Громова руку сломала, работать некому. Слышишь, Потапова? Ты проснулась или спишь еще?

– Сплю, – пробормотала Александра, понимая уже, что шеф-редактор не отвяжется. Все равно придется вставать, продирать заплывшие глаза, рисовать лицо на том месте, где ему полагается быть, и ехать на работу. Причем делать все это надо быстро.

– Потапова, это я, твой начальник, – ласково говорил в трубке голос Михаландреича. – Я знаю, ты всю ночь клеила Таджикистан (Александра монтировала фильм о Таджикистане) и работать сейчас не можешь. Но Громова в гипсе, она тоже работать не может. Придется тебе смочь, Потапова. Вставай, давай вставай! Машину я, так и быть, за тобой пришлю.

– Спасибо и на этом, – пробормотала Александра, не открывая глаз.

– Саша, вставай, – уже другим, твердым голосом повторил шеф-редактор. – Если ты не встанешь, то через полминуты заснешь. Я все это сто раз проходил. Кстати, Таджикистан вышел очень даже неплохо, это я тебе говорю! Вставай, Саша. Громовская съемка, на которую тебе ехать, через два часа.

– Удружил, Михаландреич, – поблагодарила Александра, нащупывая ногами тапки.

В квартире было холодно, как в склепе, и так же промозгло. Она встала с постели и, волоча за собой одеяло, вылезти из-под которого не было сил, отправилась в ванную. Там она включила горячую воду, а на кухне все конфорки и духовку. Дышать сразу стало нечем, но холод отступил к стенам и залитому дождем окошку.

Хлеба не было. Александра вчера не купила, зная, что будет всю ночь на работе, Андрея же такие мелочи жизни никогда не интересовали. Кофе тоже было маловато, всего полторы ложки. Хлопая дверцами шкафов, она искала, чего бы поесть.

Была бы жива бабушка, она бы ее накормила. Сердясь на ее «непутевую, не как у людей» работу, поджав презрительно губы, она поставила бы перед Александрой плошку вкусно пахнущей деревенским молоком каши, большую кружку сладкого и крепкого кофе и, конечно, ломоть сказочной мягкости хлеба.

Где-то она все это умела добыть. И деревенское молоко, и свежий, будто только что из печи, хлеб никогда не переводились, когда бы Александра ни садилась за стол: утром так утром, ночью так ночью...

В шкафах тоже не нашлось ничего интересного, лишь засахаренный, старый мармелад, оставшийся от каких-то давних гостей.

Еще три дня назад следовало попросить у Андрюшки денег и запастись какой-нибудь едой. Неудивительно, что у нее быстро кончаются деньги, – живут-то они вдвоем. В конце концов, нужно с ним поговорить, чтобы часть расходов он брал на себя, это будет справедливо...

В холодильнике оказались два яйца.

Александра воспряла духом – голодная смерть отступила перед омлетом с молоком и кусочками черного хлеба, которые, тоже неожиданно, обнаружились в хлебнице. Собрав воедино все составляющие будущего завтрака, она отправилась в ванную и, отмокая, долго стояла под горячим душем.

После кипятка она даже немного порозовела, и глаза открылись сами собой, без дополнительных усилий.

Проглотив омлет и запив его кружкой кофе, Александра переложила бумаги и документы из черного портфеля в коричневый и, моментально изменив таким образом собственный стиль, надела джинсы, водолазку и клетчатый пиджачок трехлетней давности. Потом она уселась на подоконник и, покуривая, стала ждать редакционного водителя Витю, которого выслал за ней Михаландреич.

Впереди маячил длинный, как школьный коридор, день, и даже в самых тяжких ночных кошмарах Александра не могла себе представить, чем он закончится...

– Мне бы на кладбище съездить, – сказала Александра шеф-редактору, вернувшись с первой за этот день съемки. – У меня бабушка два года назад умерла, как раз в этот день.

Михаландреич, сдвинув очки на лысину, потыкал горячей сигаретой в разложенные перед ним бумаги:

– Что пишут, Потапова, что пишут... Сдохнуть можно, как они пишут и что!.. Ты вот послушай, Потапова: «Противостояние на границе, обусловленное геополитическими интересами сверхдержав в данном регионе, ведет к перегруппировке сил, возрастанию конфронтации и в конечном итоге усилению военного давления не только внутри региона, но и на пограничных участках всех сопредельных держав...» Ты слыхала что-нибудь подобное, Потапова? Про

«пограничные участки всех сопредельных держав» ты слыхала, а? Понимаешь, о чем речь? Понимаешь, Потапова?

Михаландреич щелчком сбил с сигареты пепел и кинул испепеляющий взгляд в сторону одного из молодых, только что пришедших с факультета журналистики корреспондентов.

«Молодой» с независимым и несчастным видом сидел в кресле в некотором отдалении от разошедшегося шефа. Вальяжно закинув ногу на ногу, он вцепился в кассеты так, что рука мелко дрожала.

Очевидно, представление продолжалось уже довольно долго, потому что сменный редактор Лена Зайцева за спиной у Михаландреича закатывала глаза и пилила себя ладонью по горлу, давая понять Александре: давно пора заканчивать промывать мозги несчастному страдальцу.

– Так вот, Потапова, – не унимался Михаландреич, – речь в этом бессмертном отрывке идет о наших погранцах на таджикской границе. Ты догадалась, Потапова?

– Мне бы отъехать, Михаландреич, – напомнила Александра. «Молодому» она сочувствовала, но не слишком.

«Высокий штиль» официальных сообщений она ненавидела и была совершенно убеждена: писать нужно доступно и красиво, так, чтобы за душу брало, будь то сообщение о таджикских пограничниках или о визите испанского короля. Только тогда запомнят, только тогда поймут и не переключат телевизор в первые же секунды официальной хроники. Стыдно выпускнику университета не уметь писать, прав Михаландреич...

– Заберите ваши листочки, – в сердцах сказал Михаландреич проштрафившемуся корреспонденту и зажег следующую сигарету. Александра помахала рукой, разгоняя дым. – Сядьте и напишите то, что вы хотите сказать, так, чтобы было понятно тете Шуре и дяде Васе. А также их сыну Боре и дочери Нюре, ясно вам? И никаких, избави боже, геополитических интересов! Про это вы в курилке... вот... с Потаповой потолкуете. Она у нас умненькая, про интересы, да еще геополитические, все соображает. Или нет... Вань! – крикнул шеф-редактор так, что корреспондент вздрогнул, а Александра, покоровшись судьбе, опустилась на стул.

В дверь заглянул плечистый загорелый мужик в сером свитере, по-военному коротко постриженный. У него было сильное лицо, накачанная шея и руки-лопаты.

– Ванечка, ты прилетел! – радостно завопила Александра. – А я и не знала!

– Привет, Сашуль. – Одним огромным шагом мужик преодолел расстояние от двери до стола и, согнувшись, поцеловал Александру в щеку. – Я только ночью вернулся. Не знал, что ты на монтаже, а то зашел бы обязательно.

Он стиснул огромной ручищей ладошку Александры и заглянул ей в лицо. У него были серые, очень внимательные глаза.

– Ты чего шумишь, Михаландреич? – не отпуская ладошку, спросил он шеф-редактора.

– Молодежь учу, – пояснил тот охотно. – Отпусти ты, Ваня, Потапову, а возьми лучше юношу, посмотри его материал и объясни, как к таким материалам тексты пишут. Тебе все равно делать пока нечего. Правильно я понимаю?

– Хорошо, – легко согласился мужик и еще раз стиснул Александре руку. – Пойдешь обедать – не забудь меня пригласить! Небось отвыкла за долгие годы разлуки?

– Ох, отвыкла, – смеясь, сказала Александра. – Совсем отвыкла...

Этот человек всегда приводил ее в самое лучшее расположение духа.

Иван Вешнепольский был знаменит в России, как Ларри Кинг в Штатах. Он был политическим обозревателем такого высокого полета и такой сверхнадежной репутации, что за право владеть его программой боролись все ведущие каналы. Иван по привычке был верен первому, на котором начинал, и его ток-шоу, несмотря на крайнюю политизированность, уже несколько месяцев лидировало во всех без исключения рейтингах.

Он был бесстрашен, упрям, в меру задирист и очень хорошо образован. О политике он умел рассуждать так, что даже у циничных коллег захватывало дыхание, а зрители присылали в его программу столько писем, сколько не получала ни одна передача за всю историю отечественного телевидения.

Поговаривали, что за спиной Вешнепольского маячит КГБ и даже контрразведка, что сам он пребывает в полковничьем звании и что его отец – большой человек в каком-то секретном ведомстве.

Слухи всегда носятся в воздухе. Ничтожества сами создают их себе, а титаны – не обращают внимания. Иван Вешнепольский был титаном.

– Как Андрюха? – спросил он напоследок, забирая со стола Михаландреича злосчастный текст. – Все нормально?

– Нормально, – улыбнулась Александра. – С первого января у него свой эфир.

– Ну, вот тогда он и помается, помани мое слово. Не забудь про обед-то!

Он коротко кивнул «молодому», приглашая его следовать за собой. Тот смотрел на него во все глаза. Еще бы, такая знаменитость! Будет что рассказать семье за ужином или любимой в университетской столовке.

– Чего тебе надо-то, Потапова? Я так и не понял. Увлекся, понимаешь, этим молокососом...

Михаландреич придвинул к себе следующий текст и, нажав рукой пульт, выключил громкость у вечно работающего телевизора в углу комнаты «Новостей». Александра вытянула у него из-под руки бумаги и отодвинула их на край стола.

– Что за фамильярности? – грозно спросил шеф-редактор.

– Никакие не фамильярности, Михаландреич! – сказала Александра. – Поговорите со мной, я уже полчаса сижу.

– Ну говори, – распорядился шеф-редактор. – Куда ты ехать-то хотела?

– Здесь недалеко, на кладбище. Сегодня у моей бабушки годовщина, я должна съездить, а после работы уже ночь будет...

Шеф-редактор посмотрел на Александру с сочувствием. Все знали, что, кроме бабушки, никого из родных у нее не было. Победоносцев не в счет.

– Езжай, Саша, – сказал Михаландреич. – Только пленку, которую наснимала, не забудь оставить. Я кого-нибудь посажу за монтаж и за комментарий. Тебе, поди, и машина нужна?

– Неплохо бы, конечно, – ответила Александра смущенно. – А то я буду ездить незнамо сколько.

– Водить давно пора, – пробурчал Михаландреич, но машину все-таки вызвал.

На лестнице Александра вспомнила, что у нее совсем нет денег, а приезжать к бабе Клавде с пустыми руками стыдно. Искать Андрея было некогда, поэтому Александра отправилась к Ивану Вешнепольскому.

– Вань, одолжи мне денежек, – попросила она, приоткрыв дверь его кабинета, где он что-то негромко втолковывал давешнему корреспонденту. – Совсем ничего нет, а мне нужно...

Улыбаясь до ушей, Иван вылез из-за громадного, заваленного бумагами стола и пошел к ней, на ходу доставая деньги.

– Сколько тебе? Сто? Двести?

В руках у него были доллары.

– Ты, Вань, совсем оторвался от жизни, – сказала Александра и заглянула к нему в бумажник. Порывшись, она вытащила бумажку отечественного производства и помахала ею у него перед носом. – Видел? Запомни, а то будешь потом в американской валюте требовать.

– Запомню, – пообещал Иван. – Ты еще вернешься?

– Конечно, – сказала она. – Куда же я денусь?

Но когда в комнату «Новостей» позвонил Андрей Победоносцев, Лена Зайцева, оглядевшись по сторонам и не увидев Александры, сообщила ему, что она уехала и сегодня уже не будет.

Михаландреич обедал, Вешнепольский тоже не заходил, и некому было уточнить эту информацию.

Александра купила бабе Клаве желтых лохматых хризантем. В портфеле у нее лежали ножницы и пустая стеклянная банка из-под кофе, чтобы было куда поставить цветы. Длинные толстенные стебли придется втрое или вчетверо укоротить, иначе не успеет она дойти до выхода с кладбища, как они отправятся на продажу по второму кругу.

Дождь все шел, и в мире было мутно и тоскливо, как в предчувствии большой беды.

По мокрой дорожке, засыпанной желтыми листьями, Александра добралась до бабы Клавы и тихо с ней поздоровалась. Старая береза над соседним памятником зашелестела под внезапно налетевшим ветром, обдав Александру дождем и жесткими листиками, похожими на золотые монеты.

Александра усмехнулась. Баба Клава, как всегда, выражала ей неудовольствие.

Не было случая, чтобы бабушка за что-нибудь похвалила Александру. Все она делала не так, всегда была нерасторопна и неумела, никогда не могла соответствовать высоким бабушкиным идеалам. Наверно, бабе Клаве казалось, что именно так нужно воспитывать детей, чтобы из них вышел толк. Наверное, она считала: если все время указывать человеку на его ошибки и промахи, он перестанет их делать.

Но Александра все время ее подводила. Промахи следовали один за другим.

Она хорошо училась, зато совсем не хотела шить, а это при более чем скудных финансах было просто необходимо. На даче ленилась полоть, забиралась под вишню и подолгу смотрела в траву, где копошились муравьи и божьи коровки. Бездомные собаки со всего района ждали ее у подъезда, и она раздавала им по частям собственный завтрак и носила в ветлечебницу их многочисленных щенков, а потом слонялась по подъездам, пристраивая их добрым людям.

Баба Клава запрещала ей близко подходить к собакам и сразу после школы усаживала ее за уроки, а потом за шитье или вязанье. Им нужно было на что-то жить – пенсии хватало только на хлеб.

В десять лет Александра всю шила фартуки на продажу в какую-то артель. Шила и сочиняла истории. Шила и мечтала о том, как у нее будет собака, а у собаки – смешные толстые щенки. Шила и думала о лете и море, которое видела по телевизору.

В шестнадцать она уже работала на почте, а в семнадцать – перепечатывала на древней пишущей машинке чьи-то курсовые работы. Но бабушка все равно была недовольна.

Так Александра и выросла, сознавая собственное несовершенство во всей его полноте...

– Привет, бабуль, – сказала она негромко. – Это я.

Пристраивая цветы, она сокрушалась про себя, что они «покупные», а не с дачи. «Покупных» цветов бабушка не любила, жалела истраченные впустую деньги. И приехала внучка не вовремя – во второй половине дня. Кто же на кладбище под вечер едет?

Нет, все, все Александра делала неправильно...

Мокрой тряпкой она протерла скромный памятник с овальным портретом.

Баба Клава строго и неприязненно смотрела, как внучка наводит порядок на оскудевшей осенней могилке, засыпанной листьями.

– Я к тебе теперь, наверное, только весной приеду, – сообщила Александра портрету. – Не сердись.

Водитель, должно быть, зажался в машине, подумала Александра, да и следующая съемка приближалась неотвратимо, поэтому она заторопилась и вскоре ушла, с дорожки еще раз оглянувшись на бабу Клаву.

«Как это вышло, что я ни разу у нее не спросила, любит она меня или нет?» – думала Александра.

Дождь барабанил по зонту, в мокрых аллеях потихоньку сгущались сумерки...

Почему я не спросила? Это ведь самое главное...

Пресс-конференцию министра внутренних дел вместе с архивным видео Александра смонтировала и озвучила как раз к девятичасовому эфиру. Вика в студии язвила и гоняла Лену Зайцеву и еще двух-трех бедолаг, которым по должности полагалось присутствовать на площадке рядом с барыней.

– Уволюсь к едрене-фене, – сообщил Александре Михаландреич, сдирая с лысой головы наушники. – Достала, ей-богу!

– Сашка, ты уезжаешь или будешь эфир смотреть? – звучным голосом спросила издалека Лада Ильина. – Если уезжаешь, я тебя подвезу.

– Она не уезжает! – объявил из-за двери Иван Вешнепольский. – Зря я, что ли, торчу тут полдня?

– А почему он торчит тут полдня? – спросила у Александры Лада.

– Потому что жду, когда меня Сашка обедать поведет, – провозгласил Иван и вышел из комнаты «Новостей». Руками он запихивал в портфель какие-то бумаги, а подбородком придерживал папку, отчего говорил неразборчиво.

– Ну-ну, – неопределенноотреагировала Лада. – А в честь чего намечается обед?

– В честь Ванькиного возвращения из отпуска, – объяснила Александра. – И на Ванькины же деньги, потому что у меня ничего нет.

– Это хорошо, – похвалила Лада. – На свои деньги обедать нет никакого резона, раз у Ваньки есть. Я поехала тогда. Пока.

И Вешнепольский повел Александру в бар.

Находиться в его обществе было очень приятно.

Во-первых, он знаменитость, с которой каждый почитал за счастье поздороваться. Александра даже расстроилась, что Андрей скорее всего уехал домой и ее бенефис в обществе Ивана Вешнепольского проходит без должной оценки.

Во-вторых, Вешнепольский хорошо выглядел и был заметно выше Александры, так что она не чувствовала себя Гулливером в стране лилипутов.

В-третьих, у него было родственное Александре чувство юмора и никакой «звездной болезни». Совершенно нормальный, приятный мужик, с которым легко разговаривать, в его обществе можно было не делать пресловутое «умное лицо».

Кроме того, он не провожал взглядом каждый съеденный Александрой кусок, не иронизировал по поводу ее кулинарных пристрастий и не предлагал ограничиться чашкой кофе и салатом. Для Александры, носившейся целый день из конца в конец Москвы, это было очень важно.

Они просидели в баре часа два с половиной, рассказывая друг другу последние новости и сплетни.

– Меня на НТВ зовут, – поделился Иван. – А я не знаю... Вдруг первый канал без меня пропадет? Зато денег там больше намного...

– А тебе не хватает? – съязвила Александра.

Она знала, какие гонорары получают ведущие авторских программ, и гигантская разница в оплате между звездами и рядовым телевизионным народом приводила ее, как представителя масс, в трепет и негодование.

– Мне всегда не хватает, – нисколько не обидевшись, сказал Иван. – У меня, к примеру, джип «Тойота», а я хочу джип «Мерседес-Гелиндваген». Ну и что?

– Вань, вот только не надо изображать из себя рвача и пижона, – с досадой посоветовала Александра. – Я, конечно, очень ценю твои предпринимательские способности, но свое «доброе имя», да простит мне такую банальность великий борец с пошлостью Иван Вешнепольский, ты, по-моему, никогда не продавал или продавал, но за о-очень большие деньги, – закончила она, закатив глаза.

– Продаю доброе имя! – подхватил Иван. – Продаю доброе имя за бешеные деньги! Кому доброе имя за бешеные деньги?

Они засмеялись еще и потому, что на них в недоумении оглянулась соседка и, узнав Ивана, долго потом на него косилась.

– Возьми меня в свою программу, Ванечка, – попросилась Александра. – Работаю как лошадь, денег мало, времени нет совсем, в отпуск уйти не могу, да еще все время под угрозой... Попадешь Вике под горячую руку, она вмиг уволит, ищи тогда место...

– Да приходи! – сказал Иван. – Запросто! Вот только слетаю по делам дня на два, вернусь, и поговорим. Если надоело корреспондентом, возьму редактором или исполнительным продюсером. Будешь договора заключать.

– Вань, возьми, кем хочешь. – Обрадовавшись неожиданной удаче, Александра перегнулась через стол и с чувством поцеловала его в твердую, вкусно пахнущую щеку. – Правда возьмешь?

– Вот те крест! – смешно поклялся он, и они поднялись из-за стола.

На следующий день в горном кишлаке Иван Вешнепольский вместе со своим оператором попадет в плен к какому-то очередному полевому командиру, творящему на земле волю Аллаха. Ни поиски, ни переговоры никаких результатов не дадут.

Но сегодня, докуривая последнюю – одну на двоих – сигарету и строя планы на будущее, они не могли этого предположить...

– Поехали, – сказал Вешнепольский, – я тебя подвезу только до метро. У меня сегодня еще свидание.

– Неужели?

– Ужели.

– С очередной телевизионной барышней?

– Никаких барышень, Сашка, – проговорил Иван. – Все по-человечески.

– Ты меня пугаешь, Вешнепольский, – сказала Александра с напускной тревогой. – Ты что, влюбился?

Он посмотрел на нее сверху вниз и ничего не ответил.

– Ну и ну... – протянула Александра. – Как же это случилось?

– Само собой как-то, – нехотя отозвался Иван. – Пошли быстрее, уже пол-одиннадцатого. Придется мне тебя до дома везти. А где, кстати, Победоносцев?

– Если ты надеешься сплавить меня ему, то зря. Он, наверное, уже давно дома. Вань, подожди меня внизу, я только сбегая, пакет возьму. Дома ни куска хлеба, Андрюха небось голодный сидит. Хорошо еще, что я вспомнила...

– Давай, – разрешил Иван. – Я пока позвоню.

По причине позднего времени работал только один лифт, и, притоптывая ногой от нетерпения, Александра почти вслух торопила его.

На пятом этаже было пусто, в коридорах горела ровно половина ламп, но дверь в комнату «Новостей» была открыта, и Александра на цыпочках, чтобы не попасться на глаза никому из начальников, прокралась в свой закуток за шкафом с кассетами.

Пакет с хлебом был задвинут глубоко под стол, и ей пришлось лезть за ним туда же. Придерживая мусорную корзину, чтобы она не рассыпалась, Александра уже протянула руку, как вдруг услышала совсем рядом Викин голос:

– Кто там?

И голос ее мужа:

– Да никого нет.

И снова Вика:

– Ты бы запер дверь на замок, Победоносцев. Не хватает нам еще разборок с сотрудниками.

Дверь скрипнула, закрываясь, повернулся ключ. Александра затаила дыхание. Ну и ну! Прямо как в комедии. До чего же смешно – сидеть под столом и слушать их разговор. Она представляла себе, как потом расскажет об этом Андрею.

И еще много лет спустя эта идиотская, наивная доверчивость мучила ее и не давала покоя.

Прошуршали по ковру колесики Викиного кресла. В двух сантиметрах от Александринного носа прошли черные ботинки ее мужа.

– Викуш, я все понимаю, – мягко сказал Андрей. – Все вопросы я решу. Только не хочу делать это наскоком...

– Да каким наскоком! – неожиданно взвилась Вика. Или она уже была на взводе? – Скоро год, как ты со мной спишь. Я пробил тебе эфир. Представила папанышке. Ты ему даже понравился. Все, поезд ушел, Андрюша. Обратной дороги нет, если только опять в Набережные Челны. Я уже три месяца жду, что ты разведешься. А ты? Ты морочишь мне голову! Я терплю у себя в штате твою толстую дуру, я вынуждена приглашать ее к себе домой, где мы с тобой фактически живем, я измучилась вся, у меня нервные срывы... – Она горько всхлинула.

Александра под столом тихонько опустила руку, которой придерживала мусорную корзину, и, стиснув кулаки, прижала их к бокам.

Этого не может быть, тупо подумала она. Я случайно попала в какой-то ночной кошмар. Или фарс. Скорее всего – фарс. Я забыла определение жанров.

Со мной что-то не то. Наверное, потому, что в этот день умерла бабушка.

Она пришла тогда с работы очень рано. Ее встретил вкусный запах – на плите варился куриный бульон. Бабушка сидела за швейной машинкой. Александра окликнула ее и, даже не заметив, что бабушка не ответила, стала ей с ходу что-то рассказывать. Потом вымыла руки – бабушка всегда очень сердилась, если, придя с улицы, она не сразу отправлялась в ванную, и подошла к ней. И поняла, что баба Клава умерла.

– Зайка, не плачь, – сказал Андрей, утешая Вику, как всегда утешал Александру. – Я знаю, что тебе трудно, мне тоже трудно. Но я ведь прожил с ней полтора года...

– Чести это тебе не делает, – проговорила Вика сердито, но уже с намеком на то, что прощение вскоре будет даровано.

– Мне нужно было где-то жить в Москве. Как бы я нашел работу, если б у меня не было прописки? – рассудительно заметил Андрей. – Я получил прописку и теперь свободен, солнышко. Не плачь.

– Я ее ненавижу, – явно накручивая себя, сказала Вика. – Толстая, мерзкая баба, только и всего. Вечное хихиканье с мужиками, неуверенная улыбка, безотказность эта коровья... Господи, как она меня бесит! Угораздило же тебя жениться на такой прописке! Я бы через два дня руки на себя наложила, если бы с ней жила...

– Да ну ее, – сказал Александрин муж. – Уволишь ее, как только захочешь. Обещаю тебе, сегодня или завтра я с ней поговорю. Развод получить легко, делить с ней квартиру я не собираюсь.

– И напрасно, – язвительно проговорила Вика. – Ты имеешь такое же право, как и она, ты ж там прописан...

– Я специально узнавал, Вик, – доверительно сообщил Андрей. – Квартира приватизирована на ее имя, и в завещании оговорены какие-то условия. Судя по всему, эта ее бабка была не промах, хотела внучку застраховать от неприятностей с жилплощадью...

– Да х... с ней, с бабкой! – капризно протянула Вика. – Я попрошу папаньку, и мне эту квартиру так отсудят, без всяких завещаний.

Они делят мою квартиру, подумала Александра. В голове у нее шумело, как с похмелья. Они хотят отнять ее у меня. А где тогда мне жить?

– Ну не сердись, – умоляющим голосом попросил Андрей. – Не сердись. Ты умница, красавица, ты деловая женщина...

– А женат-то ты на ней! – плаксиво пробормотала Вика. – Ну поговори ты с ней, ради бога, или я убью ее. Отравлю. Не доводи до греха. Уверяю тебя, эта сука давно все знает. Все все знают. Просто она за тебя держится, надеется, что ты останешься. Подожди, она тебе еще заявит, что беременна, и ты тогда втяхнешься в миллион судебных разбирательств. Или будешь по гроб жизни алименты платить. Я знаю этих сук, которые виснут на мужиках, путаются у них под ногами, липнут к ним, потому что сами ни на что не способны. Нищенка проклятая, как я ее ненавижу...

– Все будет хорошо, – заверил ее Андрей, – и очень скоро. Убери ее с телевидения, если она так тебя раздражает. Уволь ее с волчьим билетом, расскажи знакомым, что она у тебя деньги украла или идеи какие-нибудь. Кассеты, например. Ты же все можешь, радость моя, и прекрасно знаешь всю эту кухню. Ну что?..

Александра поняла, что ее судьбу давно определили. Ей от них не уйти. Захотят – уволят. Или выгонят из квартиры. Или отравят. Или что там еще...

Неожиданно дверь у нее за спиной дернулась, и Иван Вешнепольский проорал совсем рядом:

– Александра!

Скрипнуло кресло, и в комнате все затихло.

– Сашка! – громче прежнего завопил в коридоре Вешнепольский. – Ты где? Выходи, или я сейчас уеду. Сколько ждать-то можно?!

– Она что, здесь? – еле слышно спросила Вика. – Почему Вешнепольский так орет?

У Александры оборвалось дыхание.

Какими-то остатками разума она поняла: если Иван сейчас уйдет, тогда ей совсем пропадать. Вика найдет ее здесь и выставит вон, при этом будет издеваться и потешаться над ней.

Это мгновение нужно пережить, приказала она себе. Просто пережить, сейчас, сию минуту, а потом – будь что будет.

Непослушной, как будто чужой, рукой она оттолкнула кресло, прикрывавшее ее убежище, и выбралась наружу. На застывшую в изумлении пару она не смотрела.

Александра открыла дверь, когда Иван дернул ее в последний раз, и почти что вывалилась наружу.

Иван не сразу ее узнал.

– Ты что? – спросил он, сообразив, что это Александра Потапова.

– Я же говорила тебе, какая это подлая тварь, – слабым голосом проговорила за ее спиной очнувшаяся Вика. – Конечно, она подслушивала. Ты бы проверил, может, у тебя «жучки» в телефонах? Может, она давно ведет наблюдение? Нет, ты видел эту сучку, а?

– Саш, ты что? – повторил Иван в полной растерянности.

Прижимая к себе пакет с хлебом и не оглядываясь на Ивана, не поспевавшего за ней, Александра стремительно шла по коридору, все убыстряя и убыстряя шаг. Не дойдя до лифта, она выскочила на лестницу и опрометью кинулась вниз по ступенькам.

Они пили уже часа три. Пили и ревели.

Александре с ее «полетным весом», как деликатно сформулировал когда-то сосед по даче, бывший летчик-испытатель, напиться было труднее всех, хотя она очень старалась. Ладка набралась в два счета, а третья лучшая подруга, субтильная Маша Вершинина, заливалась сле-

зами два часа подряд, и, как подозревала Александра, выплакала весь поглощенный алкоголь, так что он пропал даром.

Лада узнала обо всем происшедшем сразу, когда появилась на работе.

Вся редакция «Новостей» гудела, как осиное гнездо, в которое только что наведалься медведь.

Вика провела свою партию безукоризненно – от начала до конца.

Во все перипетии минувшей ночи были немедленно посвящены пять или шесть самых надежных подруг. Подруги отработывали расположение всесильной звезды с исключительным рвением. Через два часа все «Останкино» было ознакомлено с Викиной версией событий. Все знали, что Александра Потапова, выслеживая своего несчастного мужа, забралась под стол в комнате «Новостей», чтобы поймать влюбленных с поличным.

Выскочив из-под стола в самый разгар трудного объяснения двух благородных, но связанных обязательствами влюбленных – ибо какой-то муж всегда маячил у Вики на заднем плане, – Александра Потапова устроила дебош и непристойную драку. Она вцепилась в кроткую Вику, порвала на ней эфирный костюм, испортила прическу, перевернула кресла и папки с бумагами. Даже Андрей не мог ее утихомирить. С ней как будто сделался какой-то припадок.

Вы никогда не замечали? Может, у нее проблемы с психикой?

Вполне возможно и, знаете, даже скорее всего...

Утихомирить Потапову смог только подоспевший Вике на помощь Вешнепольский, знаток восточных и разных прочих единоборств. Кое-как скрутив хулиганку, он утащил ее из комнаты, но она вырвалась, прибежала обратно, но уже рыдая и умоляя не выгонять ее с работы. Даже в своем болезненном состоянии Потапова поняла, что Виктория Терехина, при всей ее кротости, не сможет терпеть на работе буйнопомешанную.

Иван, в ночь улетевший на Кавказ, ни подтвердить, ни опровергнуть ничего не мог.

Шеф-редактор, пришедший утром на работу, обнаружил в комнате «Новостей» полный хаос: разбросанные материалы, раскуроченные кассеты, опрокинутые кресла и разодранные папки.

В этот момент остолбеневшему от изумления шеф-редактору позвонила Вика, с точностью до секунды рассчитавшая время. Сообразить ему ничего не дали. Специальный корреспондент Александра Потапова в течение часа была уволена «за нарушение трудовой дисциплины».

– Радуйся, что уголовное дело не завели, – сказал Александре Потаповой Михаландрейч. – Хулиганство все-таки, не хухры-мухры...

Он все понимал, этот пожилой человек, проработавший на телевидении тридцать лет.

Он ничем не мог помочь специальному корреспонденту Александре Потаповой, ибо его непосредственный начальник, продюсер общественно-политического вещания, был назначен на эту высокую должность Викиным отцом.

– Иди к Вешнепольскому в программу, – мучаясь от стыда, посоветовал шеф-редактор. – Он никого не боится, Ванька-то... А ты с ним дружна...

– Зачем ему лишние неприятности? – спросила Александра, улыбаясь. Она все время улыбалась, как фарфоровая китайская кукла, – в дверь постоянно заглядывали любопытные. – Мне теперь надо не в программу, а на лесопилку куда-нибудь.

Шеф-редактор закурил, забыв про сигарету, дымившуюся в пепельнице.

– Все образуется, девочка, – тихо сказал он Александре. – Пережди. Затаись.

Но как ей было затаиться, когда после неправдоподобно ужасной ночи, которую она провела одна, сидя на полу в кухне, за ней прислали машину с «жандармом», как она выразилась про себя, чтобы тот доставил ее на место преступления!

Лада Ильина, приехавшая, как всегда, к часу дня, застала коллег в непередаваемо возбужденном состоянии. Узнав пикантные подробности происшедшего, она кинулась звонить Александре домой, потом приехала ночевать, и вот уже три часа они усердно и истово напились, не понимая, как жить дальше.

– И знаете, – сказала Александра, не слишком уверенно пристраивая свой стакан на полированную поверхность ветхого пианино, – я еще с ней встретилась, когда уходила. Я уходила, а она прибыла. Мы столкнулись на выходе. Она говорит: «Ну что, скушала? И это, – говорит, – моя дорогая, не конец. Это только начало. Посмеешь пикнуть при разводе или еще где, я тебя из Москвы выселю, не то что из квартиры твоей поганой. У Победоносцева, – говорит, – великие дела впереди, так ты лучше вообще его фамилию забудь, не позорь его имя...»

– Вот сука, – пробормотала Лада. – Не реви, Марья!

Маша судорожно всхлипывала, не в силах остановиться.

– Да к-как же мне н-не реветь, если к-кругом такое дерьмо!.. И Ваня пропал на Кавказе...

Даже в нынешнем бредовом состоянии, когда мозг, оглушенный алкоголем и снотворными, которые она приняла под давлением ночевавшей у нее Лады, не в состоянии был ничего воспринять, Александра не могла пропустить мимо ушей Машин истерический всхлип.

Она уже знала, что Вешнепольский и Серега Быстров, всегдашний оператор Ивана, попали в засаду в горах и были увезены в неизвестном направлении. Об этом с утра до ночи твердили в «Новостях», которые Александра смотрела теперь только по телевизору. Выдвигались версии, предлагались деньги за информацию, похитителей призывали освободить заложников, горы прочесывал спецназ, ситуацию контролировал президент... В общем, все, как всегда.

Или почти как всегда. Невозможно было представить, чтобы на Ивана Вешнепольского, знаменитого и всеми любимого, кто-то осмелился вот так запросто напасть.

Но при чем тут Машка, лучшая подруга и провизорша из аптеки в Воротниковском переулке?

– Ты чего, Мань? – спросила Александра со своим обычным тактом, еще обострившимся от трехчасовых возлияний. – При чем тут Вешнепольский? Ты же его знать не знаешь! Это я рыдать должна, потому что он мой друг, а не твой...

– Как же я его не знаю, когда я его люблю!.. – икая, возразила Маша.

– Кого? – спросила Александра.

– Его. – И Маша опять залилась слезами.

– Чего это она, а? – Лада подошла поближе, достала платок из кармана джинсов и бесцеремонно вытерла Машину физиономию. – Тронулась с горя?

– Кого любишь? – спросила Александра. – Победоносцева?

– Пошел в ж... твой Победоносцев! – взвилась Маша. – Если хочешь знать, я его всегда терпеть не могла! Поду-умаешь, великий журналист, покоритель московских девиц! Хреноносцев он, а не Победоносцев!

– А тогда кого? – спросила Лада, до которой с некоторым опозданием стало доходить, о чем говорят подруги.

– Что – кого?

– Кого ты любишь-то, идиотка? Мы сегодня все одинаково любим Победоносцева Андрея...

– Ва-а-аню-у-у, – почти завывала Маша. – Я без него жить не могу...

– Да где ты его взяла-то? – почему-то рассердившись, спросила Александра. – А? По телевизору видела?

– Он в аптеку приходил... – с трудом выговорила Маша, – ас-аспирин покупал...

– О, господи Иисусе, – пробормотала Александра.

Очевидно, алкоголь был ни при чем.

– Значит, он к тебе на свидание позавчера ехал, когда все это... стряслось? – подозрительно спросила она.

Маша горестно кивнула.

– Злой был, как нильский крокодил. Даже не поговорили толком. Это он из-за тебя переживал, Сашка... А теперь он пропал, пропал... И я его, наверно, больше не увижу...

– Заткнись, дура! – неожиданно вспылила Александра. – Он жив и здоров, конечно! Если бы его хотели убить, убили бы на месте! Подержат и отпустят, особенно если выкуп наши заплатят.

– Так ты из-за Вешнепольского ревешь? – удивилась Лада. – Он у тебя аспирин покупал?

– Он, – сказала Маша и улыбнулась, утирая кулаком слезы. – И алкозельцер. Он говорит – дайте что-нибудь от головы. А я ему – хотите цианистого калия?

– А он? – тупо спросила Александра.

– А он говорит – нет, мне пока что-нибудь полегче... За калием я попозже приду...

Лада подошла к дивану, на котором они рыдали, и посмотрела по очереди на обеих подруг.

– Что? – спросила она.

И тут они захохотали. Все втроем. Они хохотали так, что снизу стали стучать по батарее полоумные соседки, которых раздражал даже звук отодвинутого стула. Они корчились от смеха и катались по дивану. Они утирали слезы и кашляли, не в силах остановиться. Они взглядывали друг на друга, опухших от слез и горя, и хохотали еще громче.

Назло врагам.

Назло соседкам, полевым командирам и Вике Терехиной.

Ничтожество Победоносцев в качестве врага даже не рассматривался.

Отсмеявшись, они некоторое время молча лежали на диване.

– Пойду кофе сварю, – сказала Александра будничным голосом. – Сходи, Мань, за мороженым, как самая трезвая. Или за тортом. Только у меня денег нет.

– Зато у меня тьма, – таким же будничным голосом отозвалась Лада. – Я тебе сейчас дам...

– Нужно привыкать, – сказала Маша, когда они пили кофе, очень горячий и очень крепкий, – Александра умела заваривать кофе. – Как-то нужно взять себя в руки, Сашка. И тебе, и мне, и Ладе. Вика небось уже пронюхала, что она у тебя живет. Следующим номером ее уволит...

– Меня не уволит, – заявила Лада с полной категоричностью. – Меня невозможно уволить.

– Почему же? – язвительно спросила Маша.

– По кочану же, – тем же тоном ответила Лада и тряхнула своим необыкновенным бюстом. – Меня Васятка завсегда прикроет.

Васяткой звали ее нового, недавно приобретенного любовника из самых «верхов». Очевидно, с Васяткой не могла справиться даже всеильная Вика.

– Что с работой-то будем делать? – спросила Маша. – Куда бросимся? А, Сань?

– Шут его знает, – равнодушно ответила Александра. Денег у нее не было вовсе. Два последних дня ее кормила Лада.

– Можно, конечно, попытаться и на телевидение, но когда поспокойнее станет, не сейчас. Правильно я говорю, Ладка?

– Ну, Вешнепольский, наверное, и сейчас бы взял, но его нету, Вешнепольского... Так что надо где-то на стороне искать...

– На какой? – осведомилась Александра устало.

– Что – на какой?

– На какой стороне искать, я спрашиваю? Я умею только кино снимать и тексты к нему писать. Могу еще фартуки шить. А больше ничего...

– Хочешь, я поговорю с тетей Лидой?

Машина тетка заведовала аптекой, в которой она работала.

– Мань, я ничего не умею. Даже бутылки мыть. Разве такого работника кто-нибудь возьмет – будь это даже твоя тетя? И отстань от меня, мне нужно как следует оплакать мое телевизионное прошлое... – Внезапно голос у нее дрогнул и сорвался. Слеза капнула в чашку. Девчонки отвернулись.

– Мне нужно научиться жить без него, – продолжала Александра. – Это же наркотик, Мань, спроси хоть у нашей гетеры. Я каждый день слышала себя по телевизору. Я брала интервью у министров и вице-премьеров или вон у Ладкиного Васятки. Мне трудно... привыкнуть к мысли, что больше ничего этого в моей жизни не будет. Никогда. Никогда...

– Да пошла ты!.. – Лада вскочила и в волнении плеснула себе еще кофе. – Все забудется. Ты же знаешь, что такое наша среда. Все возникает из ничего и уходит в никуда. Через месяц никто ни о чем не вспомнит!

– Вспомнят, если Вике будет нужно, – рассудительно сказала Маша. – А значит – что?

– Что? – хором спросили Александра с Ладой.

Они привыкли, что Маша Вершинина всегда находит выход из положения. В школе она была самой умной и побеждала на всех олимпиадах, как по физике, так и по литературе. Она решала за них контрольные и выдумывала необыкновенные истории для бабы Клавды, когда требовалось «прикрыть» очередной поход в ветлечебницу.

– Нужно придумать что-нибудь, чтобы... ваша... Вика. – Маша никогда – боже сохрани! – не позволяла себе материться, в отличие от Лады, любившей щегольнуть фразочкой поцветистей. – ...Ну, чтобы она поняла, что ты не имеешь на этого козла никаких видов.

Лада с Александрой переглянулись.

– Блеск! – восхитилась Лада. – И как это сделать?

Но Маша не заметила иронии. Захваченная новой идеей, она повернулась к подругам, глаза у нее блестели.

– Пока она считает, что ты преследуешь этого козла, житья тебе не будет. Как все истерички с маниакально-депрессивным синдромом, она может убедить себя в чем угодно.

Все-таки Маша закончила почти медицинский институт и в терминологии разбиралась здорово.

– Ну, ну!.. – поторопила нетерпеливая Лада.

– Нужно убедить ее, что он тебе совершенно не нужен, только и всего. Что тебя от него тошнит. Что ты не можешь видеть его мерзкую гладкую рожу. Что последний бомж тебе милее и роднее, чем этот... типус.

– Замечательно! – похвалила Александра. – И как же мне это сделать?

– побыстрее выйти замуж! – провозгласила Маша и с торжеством поглядела на ошарашенных подруг. – Ну, в смысле, развестись, конечно, сначала.

– Конечно, – согласилась Александра, – сначала мне придется развестись...

Они не знали самого главного: ей предстояло не только развестись, но и сделать аборт.

Развели их очень быстро, за час.

Аборт занял полтора.

За вещами бывший муж прислал шофера, унизив ее еще и этим. Теперь можно было с уверенностью утверждать, что в курсе дела все, даже шоферы.

Разговаривать с ней ее бывший муж не стал, хотя, непонятно зачем, она сделала такую попытку.

– Мазохистка! – сказала ей Лада. Но Лада не знала об аборте...

На кредитной карточке у Александры были кое-какие деньги, что позволило ей заплатить за наркоз в хорошем медицинском центре.

После аборта никаких дел в жизни у Александры не осталось.

Конечно, можно было держаться, вспоминая Викино лицо, когда та говорила, что Александра не даст теперь прохода несчастному Победоносцеву. Можно было держаться, думая о Вешнепольском и Маше.

А потом, в какую-то минуту, держаться стало невозможно.

Спать было невозможно, есть тоже невозможно, поэтому Александра не спала и не ела.

Не вспоминать тоже было невозможно. И она вспоминала, разрывая себя этими воспоминаниями, разъедавая собственное воспаленное сознание.

Она не плакала и не билась в истерике. Она думала свои думы, сидя в углу, каждый день в другом, не замечая, как зарастает пылью ее некогда ухоженный дом. Маленький рай, созданный в отдельно взятой квартире, которым она так гордилась.

Телефон не звонил, и телевизор она больше не смотрела.

Что она сделала не так? Чем не угодила? Почему именно Андрея выбрала Вика Терехина? За что заставила ее расплачиваться так жестоко?

Однажды после сильного ветра в доме погас свет, и Александра достала из буфета свечку. Свечка освещала только стол, на который Александра ее пристроила. В углах плясали и корчились тени. На лестничной клетке переговаривались соседи, выясняя, где погасло, – только у них или в соседних домах тоже. Александре было все равно.

Улегшись щекой на полированную поверхность стола, она смотрела на пламя, такое отчетливое в темноте, что оно казалось ненатуральным.

Господи, она была уверена, что проживет с Андреем всю жизнь. Что они родят детей, и заработают кучу денег, и будут ездить на море, и в Лондон или Париж, и что там есть еще, такое же увлекательное и несбыточное?

Все случившееся было несправедливо. Несправедливо! Но что она могла поделать, слабая, глупая, не умеющая бороться – и побеждать! Наверное, родители, которых она никогда не видела, тоже не хотели ее, поэтому она и получилась такая... неудачная.

Ненужная.

Непонятное существо, которое всем мешает и путается у всех под ногами, доставляя лишние, ненужные хлопоты.

Свет все не давали, и Александра была этому рада. В темноте было не то чтобы уютно, а... безопасно.

И баба Клава умерла из-за нее. Из-за того, что ей пришлось надрываться, поднимая на ноги ребенка, который оказался Александрой. Даже из могилы она заботилась о непутевой внучке – если б не хитро составленное завещание, осталась бы она сейчас и без квартиры!

Бедная баба Клава! Она надеялась вырастить из внучки человека... Но ничего у нее не получилось. Внучку выкинули с работы, вытолкали внаше, отобрав к тому же ребенка и мужа.

У таких, как она, не может быть ни ребенка, ни мужа – недостойна, не заслужила.

Хорошо бы просидеть так всю жизнь, без света, перед тонко дрожащей свечкой. Не видеть, не разговаривать, не вспоминать...

Маша умоляла ее попить транквилизаторов и снотворных, но лекарства действуют на тех, у кого внутри что-то болит, и это что-то можно лечить и даже вылечить. А у нее внутри ничего не осталось, только вязкая черная гуща, в которой трепыхалась крошечная, слабая, трусливая душонка, оказавшаяся неспособной отстоять жизнь собственного ребенка.

– Что же мне делать? – прошептала Александра, и пламя свечи заколебалось. Тени бросились врассыпную. – Не знаю, не знаю...

Дали свет, но она все сидела, глядя на почти растаявшую свечку. На часах было четыре утра.

Четыре утра – трудное время, самое трудное, когда сидишь на ночном монтаже и кажется, что этой ночи не будет конца. Ручка выпадает из пальцев, забываются самые простые слова, и сигареты не помогают. Хочется только одного – спать. Спать долго и сладко, накрывшись ватным одеялом, вытянувшись на угретой постели и зная, что можно долго-долго не просыпаться.

В четыре часа почему-то обязательно перегреваются видеомагнитофоны, и нужно ждать, пока они остынут, подремывая в кресле под недовольное ворчание видеоинженера на извечную тему – только идиот мог придумать ночные монтажи, дня им не хватает, видите ли...

Александра тускло улыбнулась.

Это был ее мир, ее работа, вся ее жизнь с тех самых пор, как очередной Ладкин любовник пристроил Ладку на телевидение и не в меру боевая подруга моментально сосватала туда и Александру. Как счастливы они были, как гордились собой и своими успехами, какое интересное, важное, необыкновенное дело они делали вместе со всеми ребятами из общественно-политической редакции!

Все остались, только Александры больше нет. Нет и, наверное, никогда не будет.

Но ей нравилась эта работа! Она хорошо, добросовестно и профессионально делала ее уже несколько лет. Однако профессионализм и умение работать не сможет отнять у нее даже Вика Терехина. Пусть муж предал ее, пусть программа, в которой она работала, перестала в ней нуждаться, но ведь то, что она знает и умеет, осталось с ней!

Эта неожиданная мысль как-то приободрила ее.

Раздумывая над тем, что вдруг пришло ей в голову, и спасаясь от непрерывных телефонных звонков Лады и Маши, Александра собралась и под вечер вышла на улицу, доплелась до метро, проехала несколько станций и вышла где-то, как впоследствии оказалось, на «Маяковской». Она немного постояла на Тверской, соображая, куда бы пойти, вверх или вниз, и пошла вниз, к Пушкинской площади.

Вспоминая потом этот вечер, Александра не могла понять, какая сила привела ее именно на это место и именно в это время.

Почему она не уехала на метро в другую сторону или не пошла вместо Пушкинской к Белорусскому вокзалу? Почему около булочной у нее развязался шнурок на ботинке и она довольно долго завязывала его, перегнувшись через толстый пуховик, собравшийся на животе складками? Почему переживала, пока какой-то отчаянно сигналивший идиот выберется из переулка возле Театра Станиславского на Тверскую, – тоже довольно долго?

Александра не была суеверна и религиозна тоже не была, но мистика происшедшего всю жизнь потом занимала ее и заставляла верить в то, что провидение существует.

Она очень устала в толпе и, добравшись до перехода под Пушкинской площадью, решила поехать домой. Спускаясь по мокрым ступенькам, Александра поскользнулась и ухватилась за куртку какого-то мужчины, поднимавшегося ей навстречу.

– Добрый вечер! – весело сказал мужчина. – Вы меня не помните? Меня зовут Филипп Бовэ, мы встречались на какой-то вечеринке около месяца назад.

– Д-да, – отозвалась Александра с некоторой запинкой. – Помню...

Она тогда ждала Андрея, а он все не ехал и не ехал, и Вика суежилась вокруг с какой-то своей подругой, а потом они танцевали, и все в ее жизни было превосходно...

– Да-да, – повторила Александра, захлебываясь в этих воспоминаниях, и, чтобы окончательно не утонуть в них, быстро сказала: – У вас русская бабушка.

– Совершенно точно, – подтвердил Филипп.

Что-то с ней случилось, решил он. Человек не может так разительно измениться за короткое время.

Переступив ногами в скользких ботинках, Александра случайно взглянула ему в лицо: никакого любопытства, только сдержанное сочувствие и, пожалуй... тревога?

У нее в голове как будто щелкнуло.

Как будто хозяин дома вернулся после долгого отсутствия и, войдя, первым делом зажег свет, потом огляделся и замер в недоумении – вроде все как всегда, но появилось что-то новое. А может, ему только кажется?..

– Филипп, вы женаты? – спросила Александра совершенно бездумно.

– Нет, – ответил он, слегка удивленный. – Почему вы спрашиваете?

– Тогда вам просто необходимо срочно жениться на мне, – сказала Александра. – Понимаете?

– Нет, не понимаю, – искренне ответил Филипп. – Может, объясните?

Он оглянулся по сторонам. На ступеньках московского метро в час пик разговаривать было трудно.

– Хотите есть? – спросил он, почему-то твердо уверенный, что она голодная. Во-первых, голодная, а во-вторых, сумасшедшая. – Пойдемте поедем где-нибудь. И поговорим.

– О чем? – пролепетала Александра – ей стало страшно.

– О женитьбе, – невозмутимо ответил Филипп Бовэ. – Мне не каждый день делают предложение. Да еще на улице. Разве это не стоит обсудить?

– Так что для вас в этом – прямой резон, – проговорила она с улыбкой дельца-пройдохи, заключающего квартирную сделку со старушкой божьим одуванчиком. Ей было так стыдно, что волосы на шее противно встали дыбом. – Вам не придется платить за квартиру и... пользоваться услугами проституток...

– Вместо проституток, как я понимаю, вы предлагаете себя, – холодно проговорил Филипп. – Я не ошибаюсь?

Она взглянула на него и, дивясь собственному мужеству, кивнула. Ему показалось, что через секунду она умрет от разрыва сердца.

Александра смотрела в окно, на церквушку и театр «Ленком», у которого уже начался вечерний съезд машин. Все парковались, сигналили и ругались, и в узкой улочке в обе стороны давно и безнадежно змеилась чудовищная пробка. Светофор дисциплинированно переключался с красного на зеленый, но все его усилия были тщетны – с места никто не двигался.

Почему-то Александре показалось, что в этой безнадежной пробке сосредоточилась вся тоска, какая только существует в природе, и безысходность, и невозможность спасения – окружающий мир не пускает ни влево, ни вправо, ни вперед, ни назад...

Какой-то резкий звук заставил ее вздрогнуть. Она с изумлением взглянула на мужчину, сидящего напротив, – она совсем о нем забыла.

Филипп хмуро вернул на место упавший стакан.

Угораздило же его влипнуть в историю с этой полоумной девицей, осатаневшей от жизненных катастроф настолько, что она решила предложить себя совершенно незнакомому человеку! И можно ли ей верить? Впрочем, он же сам слышал тот разговор на кухне – ее, теперь уже бывшего, мужа и этой теледивы. Разговор совершенно недвусмысленный. Он даже вспомнил острое чувство брезгливости, охватившее его в темной передней, и сочувственной жалости к Александре. Филиппу всегда были отвратительны карьеры, сделанные в женских постелях. Как правило, очень ненадежные, они требовали постоянных усилий именно в этом, постельном направлении...

– Почему я? – спросил он у Александры, которая тарасилась в свою пустую тарелку, и с удивлением осознал, что ее ответ ему не безразличен.

Почему для осуществления своего дикого плана она выбрала именно его? Не кого-нибудь из близких, кто понял бы ее, поддержал и... отговорил?

Она улыбнулась тарелке пристыженной, дрожащей улыбкой и забормотала, не поднимая глаз:

– Видите ли, вы приехали в Москву... издалека и надолго. Вам нужно где-то жить, что-то есть и с кем-то спать... – На этом патетическом месте она покраснела. – Мы с вами можем... сотрудничать вполне взаимовыгодно...

– Да уж! – не удержался Филипп.

– Ну вот... Вам не нужно будет за все это платить – ведь, как я поняла, денег у вас не слишком много, а у меня будет временный муж, которого при случае я смогу предъявить Вике в доказательство того, что... Андрей может чувствовать себя вполне свободно...

– Ерунда какая! – беспомощно сказал Филипп. – Ну просто редкостная ересь!

– Да нет же, – возразила Александра, стараясь говорить как можно убедительнее. Внутри у нее все тряслось, и даже мелькнула мысль отпроситься в туалет, а потом, от греха подальше, сбежать. Но, с другой стороны, он ведь еще не отказался...

– Именно так! – с досадой перебил Филипп. – Вы ведь совсем меня не знаете. Я могу оказаться кем угодно – извращенцем, алкоголиком, болезным...

– Больным, – машинально поправила Александра.

Вообще в этот вечер он говорил намного хуже, чем тогда, в гостях, хотя, по идее, должно было быть наоборот – все-таки почти месяц он провел в языковой среде, как это называется в учебниках. Но он говорил плохо, с акцентом, все время сбиваясь на английский, но какой-то такой, которого Александра почти не понимала.

– О'кей, пусть будет «больным», – согласился он с тихим бешенством. – Я – чужой. Совсем чужой для вас. Неужели у вас нет никого... поближе? Кого бы вы знали? Кто смог бы объяснить вам весь чудовищность того, что вы придумали?

– *Всю* чудовищность, – опять поправила его Александра. – *Всю*, а не *весь*... Мой самый близкий и самый хороший друг попал на Кавказе в плен. Как раз на следующий день после того, что случилось. Да и вряд ли он смог бы жениться на мне... Он любит мою лучшую подругу Машу. Правда, он мог бы взять меня на работу, хотя... хотя я не уверена, что пошла бы к нему, – добавила она, вдруг задумавшись. – У нас очень сложный мир, и портить Ивану карьеру я, конечно, не стала бы...

– Конечно, – согласился Филипп. Кое-что о ней он уже знал – сам понял, без ее объяснений.

– Понимаете, Филипп, – продолжала она, рисуя вилок в тарелке какие-то узоры; вилка дрожала и мерно постукивала о фарфор, – сама по себе я никому не нужна. У меня нет родных, да дело даже не в этом... Я предлагаю вам сделку. На этот год, что вы пробудете в Москве. Я же не совсем ненормальная, я понимаю, как все это дико, неприглядно и... бесовски. Но я уверена, что вам эта сделка тоже будет некоторым образом выгодна...

– Некоторым образом, – согласился Филипп, не зная, что и думать. – Более или менее.

– Ну вот, видите! – воскликнула Александра с облегчением, как будто он был новым корреспондентом, который после долгих мучений наконец-то написал читабельный текст. – Мы заранее обговорим все условия. Я не буду вам мешать, Филипп. Совсем не буду. И, если вам противно, вы, конечно, вовсе не должны будете спать со мной...

Она не сомневалась, что в основном его пугает именно перспектива делить с ней постель. Ведь все остальное было вполне приемлемо и ничем ему не грозило. Получил бы бесплатную кухарку и домработницу, вот и все. Зря она ляпнула про постель. Конечно, он перетрусил. Любой бы на его месте перетрусил. Вот счастье-то какое – переспать с Александрой Потаповой!

– О'кей, – сказал Филипп с какой-то странной, неопределимой интонацией. – Позвольте мне подумать, Алекс. Скажите мне номер вашего телефона.

Он записал телефон, держа ручку в левой руке, и спрятал записную книжку.

– Как же так, – сказал он вдруг и улыбнулся, впервые за вечер, – я ведь ниже вас ростом? Что мы будем с этим делать?

Через два дня он позвонил и официальным тоном заявил, что принимает предложение.

– И не мечтайте, что мы будем жить как соседи, – холодно добавил он напоследок. – Мы будем жить как муж и жена. Или никак.

– Ну, ты, Потапова, дура... Знала я, конечно, что ты малость с приветом, но не думала, что все так далеко зашло...

– Заткнись, Ладка, – приказала Маша. – Она уже приняла решение, так что все разговоры теперь – просто сотрясение воздуха. Только почему ты с нами-то не посоветовалась?

Лада с грохотом переставляла на кухне какую-то посуду.

– Да чего ей с нами советоваться? – заорала она оттуда. – Она все лучше всех знает. Один муж уже отбыл в неизвестном направлении, чудом ноги унесли, теперь будем выращивать второго. Вот это хорошо, вот это дело! Нет бы на работу устроиться, а она...

– Нет, правда, Сань, чего ты с нами-то не поговорила? – тихо спросила Маша. – Боялась, что отговорим?

Александра сидела на диване, уныло глядя в сторону. Теперь вся затея с замужеством представлялась ей чудовищной нелепостью. А ведь еще полдня назад все казалось таким логичным...

– А если он тебя, козу драную, убьет через три дня? – продолжала бушевать Ладка. – А?! Ты ж ни черта его не знаешь! Иностранец какой-то, да еще у Вики Терехиной в гостях взятый... Нет, Потапова, тебя лечить надо. Мань, что там у вас в аптеке есть для психов? Давай вези, будем Потапову пользоваться, так дальше жить невозможно. Ну что ты придумала, убогая? Ну куда тебя несет?!

– Ладка, не ори, – попросила Маша устало.

У нее вообще был очень усталый и какой-то неряшливый вид, будто она целый день таскала мешки с углем. Александре она не нравилась. Об Иване по-прежнему не было ни слуху ни духу.

– Ори не ори – поезд ушел... – сказала Лада и, судя по артиллерийскому грохоту, швырнула на плиту чайник. Через секунду она появилась в дверях, сердитая и взъерошенная. Уперев руки в боки, она двинулась к Александре, и та поняла, что пощады не будет.

Лада не любила просто так расставаться со своим гневом. Ей обязательно нужны были жертвы и разрушения, сопровождавшие, как правило, ее ураганные эмоции.

– Нет, ты мне скажи, Санька, как это в голову тебе пришло – сватать за себя чужого мужика неизвестной науке национальности, да еще в кафешке возле метро? – подступая ближе, снова начала она. – Чего ты морду-то воротишь? Или я не понимаю ничего? Или я не твоя подруга жизни?

– Ты моя подруга жизни, – с готовностью подтвердила Александра. – Только не наступай на меня своим бюстом, я тебя умоляю. И какая разница, где я его сватала. Если б не возле метро, то это лучше или хуже?

– Пошла в задницу со своей журналистской демагогией!

– Лада!

– Мань, если ты не можешь слушать, выйди в коридор и постой там.

– Это моя идея – насчет Сашкиного замужества, поэтому в коридор я не пойду, – сказала Маша. – А если ты будешь непрерывно ругаться, мы тебе кляп вставим в одно место, и я даже знаю в какое.

Лада от возмущения потеряла дар речи. Фыркнув, она повалилась в кресло, схватила со столика какой-то журнал трехмесячной давности и с мстительным видом начала его перелистывать.

– Ну, правда, Саш, расскажи, что за француз и почему ты за него замуж выходишь? – попросила Маша, закрывая глаза.

– Потому что ты мне велела, – буркнула Александра.

– Я велела вообще!

– Я и выхожу «вообще», – сказала Александра, с жалостью рассматривая похудевшее Машино личико. – Он журналист, приехал книгу, что ли, писать. На год. Я с ним договорилась, что на этот год он становится моим мужем. Живет у меня, за жилье не платит, я за ним ухаживаю, стираю, готовлю, убираю. Потом он уезжает обратно, а я к этому времени, имея замужний статус, уже нахожу работу. Вика про меня забывает, и Победоносцев... тоже...

– Замечательно, – похвалила Маша, не открывая глаз. – Похоже на то, как мужик, чтобы отомстить барину, на воротах повесился.

– Вот именно, – сказала Лада из-за журнала. – Нормальные люди за фиктивные браки бешеные деньги получают, а наша предприимчивая, наоборот, все расходы на себя берет. А, предприимчивая?

– Это нужно мне, – мрачно сказала Александра. – Я не хочу ставить крест на своей работе. У меня еще вся жизнь впереди. Как вы не понимаете, это же совсем просто!

Она поднялась с дивана и, протиснувшись между Ладой и пианино, подошла к окну. Ей так хотелось, чтобы ее поняли. Но как им объяснить?.. Ведь все очень логично и... хорошо продумано.

– Мне наплевать на этого мужика, – четко сказала она. На улице снова шел дождь, капли тяжело стучали о жесть подоконника. – И на всех остальных, по правде говоря, тоже. Наверное, я больше никогда в жизни никому из них не смогу доверять. И не захочу. Но если для того, чтобы меня взяли обратно на работу, мне придется ухаживать за параличным – я буду ухаживать! И если мне придется еще раз умолять чужого человека жениться на мне, я, черт вас возьми, буду умолять! Я спать с ним буду, трусы его буду стирать, морду его каждый день созерцать – только ради того, что, может быть, у меня появится *надежда* когда-нибудь вернуться на работу. Ясно?

Подруги молчали, глядя на нее во все глаза.

– Я не знала, что ты такая... фанатичная, – выговорила наконец Маша. – Ну совершенно вроде Ваньки. Он такой же придурок...

– Трусы ты, конечно, будешь стирать, в этом как раз никто не сомневается. Трусы пере-стираешь, а работу не добудешь, и что? – спросила Лада и пристроила журнал домиком себе на голову. – Куда ты его потом денешь? А если от него невозможно будет отвязаться? И ты его что, пропишешь?

– Да нет, конечно, – сказала Александра. – Не пропишу. Я тебя хотела попросить, чтобы ты нашла кого-нибудь, кто понимает во всей этой юридической кухне – контракты, сроки, условия...

– Пропади ты пропадом! – плюнула Лада. – Найду, конечно. А деньги на жизнь он тебе будет давать или ты ему?

– Об этом мы еще не договаривались, – пробормотала Александра.

– А между прочим, надо бы договориться, – подала голос Маша. – И так мы с Ладкой понять не можем, на что ты целый месяц живешь? Чужого мужика на шею сажать глупо.

– Моя шея сейчас никакого не выдержит, – улыбнувшись, проговорила Александра. – Ни своего, ни чужого. Так что хочешь не хочешь – придется обговаривать.

– Я дам тебе денег, – быстро сказала Лада. – И не выпендривайся ты, ради бога. У меня их полно. Васятка только и способен, что деньги давать, а больше он ни на что не годен. Надо же как-то использовать его высокие чувства. Давай хоть деньги его проживать, пока очередная революция не грянула.

– Без меня проживешь, – отозвалась Александра.

Баба Клава никогда ни у кого не брала в долг. Только давала. И Александре брать не разрешала.

– Ты нам его покажешь? – спросила Маша, но как-то через силу. Александре казалось, что она весь вечер разговаривает через силу. Может, потому и гроза оказалась такой непродолжительной. Маше явно было не до чужих проблем.

– Покажу, – пообещала Александра. – Ну что, девицы?

Маша молчала, а Ладка с силой махнула рукой.

– Женитесь, – сказала она с отвращением, – разводитесь, топитесь... Кроме того, как я понимаю, нам все равно ничего не изменить, если только сдать тебя в психушку...

– Правильно! – воскликнула Александра с подчеркнутым энтузиазмом и опрометью, чтоб ничего больше не слышать, бросилась на кухню, где чайник, судя по доносившимся звукам, давно уже намеревался убежать с плиты.

Когда она заварила кофе, внезапная и острая боль вдруг скрутила живот. Такое с ней часто теперь случалось.

Боль эта напоминала о том, как она сидела под столом в комнате «Новостей» и слушала разговор своего мужа с Викой, а потом стояла перед Михаландреичем, подписавшим ее заявление, а затем дожидалась в кресле очереди на аборт...

– Ты чего? – испуганно закричала Ладка, пришедшая за чашками. – Чего ты, Сашка?!

– Мне плохо, – выговорила Александра черными губами. – Очень плохо. Совсем...

Они ушли не скоро, вдоволь насуетившись над дрожавшей в ознобе Александрой.

Маша искала в коробке с лекарствами какие-то препараты, снимающие спазмы, Ладка все порывалась вызвать «Скорую», а потом поехала в аптеку, поскольку Маша, конечно же, ничего подходящего не нашла. Они бестолково метались по квартире, ругались и, кажется, даже всплакнули в коридоре – иначе почему бы у них обеих глаза стали вдруг такими красными?

Александрю вся их суета раздражала.

Они ничем не могли помочь – ясно как божий день, и метались исключительно для успокоения собственной совести, так, по крайней мере, казалось Александре.

– Не нужно мне ничего, – раздраженно цедила она, пока они поили ее ромашковым чаем и звонили Машиней тетке, которая разбиралась во всех болезнях и точно знала, что и в каком случае нужно делать.

Потом ей стало стыдно за свои несправедливые злобные мысли, и она принялась благодарить их, умоляла не поднимать паники. Это у нее не первый приступ, она консультировалась с врачом, и тот заверил ее, что в конце концов все должно пройти. Когда успокоятся расшатанные нервы.

– А когда они успокоятся? – деловито спросила Маша.

На этот вопрос Александра не могла ответить, как не могла и рассказать им про аборт. Страшно даже подумать, как много всего она потеряла. И в черном списке этих потерь работа шла вовсе не первым номером. Переложить на них еще и тот, самый черный, ужас?.. Нет, ни за что! Это ее крест, и, как бы он ни был тяжел, она должна нести его одна, сама, без посторонней помощи.

Никто ни в чем не виноват, виновата только она.

Она оказалась плохой женой, слабой и никчемной. Она не смогла защитить то, что было ей дорого, – Андрея, его ребенка и собственную жизнь. Андрей не виноват, что Вика оказалась интересней, свободней, сильнее и умнее его жены, размазни и рохли! И никогда этого не понять Маше с Ладкой, которые клянут изменщика Победоносцева на чем свет стоит. Вот она его понимала хорошо. Наверное, он бы очень удивился, если б узнал, насколько хорошо она его понимала!

Он попробовал пожить с ней, благодарный за то, что она когда-то помогла ему. А она оказалась... недостойной. Господи, это же так понятно и объяснимо!

Она никогда не оправдывала ничьих ожиданий.

Не должна была родиться – и родилась, заставив родителей разойтись и пристроить ее бабушке, которой и без Александры жилось нелегко. Она не была очаровательным ребенком, потом превратилась в некрасивого подростка, и девушка из нее получилась весьма далекая от совершенства – «слишком много мяса», как выражалась обычно та же Вика.

И она никогда не умела бороться, быстро уставала, несмотря на свою богатырскую внешность, и уставала не физически, а душевно. Ей скучно было по сто раз переписывать контрольные по геометрии, чтобы в конце концов получить вожаденную пятерку, и вовсе не хотелось драить пол в кабинете у ботанички, хотя всем было хорошо известно, что это единственный путь в самое сердце ботанического рая. Ей нравился английский и совсем не нравилась химия, и она никогда не могла заставить себя полюбить химию и разлюбить английский, и это стоило ей золотой медали.

Ей было лет восемнадцать, когда баба Клава впервые высказала мысль, поразившую Александру. «Господи, – сказала бабушка в сердцах, – кто же тебя замуж-то возьмет, такую недотепистую! Дал бы бог дожить до этого дня, я бы, кажется, в Киев на богомолье съездила, если б тебя пристроила...»

Бабушка боялась, что ее не удастся «пристроить», и переживала из-за этого. Вот так... Раньше Александра никогда об этом не задумывалась. Она даже заставила себя поверить, что баба Клава смирилась с ее недостатками и даже приняла их. Но теперь можно не сомневаться – бабушка мечтала избавиться от нее, хотя бы от взрослой. Ребенка она не могла бросить на произвол судьбы, но этот ребенок, выросший в Александру, продолжал раздражать и огорчать ее.

Баба Клава не дожила до ее замужества, да и вряд ли Андрей понравился бы ей. Ведь он не забрал Александру к себе, а, наоборот, пришел жить к ней.

Конечно, она очень старалась. Наводила немыслимый блеск в своем доме, с сумасшедшим упорством вкалывала на работе, стремясь заработать побольше денег, и отчаянно сожалела, что бабушка не видит ее успехов, когда – правда очень редко – успехи все-таки были. Ей очень нравилось, что у нее есть муж, и телевидение, и собственный дом, похожий на дома всех «нормальных». Подруги приходили к ним в гости, по праздникам собирались шумные компании, на Новый год все бегали на бульвар запускать импортную хвостатую ракету, привезенную Димкой Тимофеевым из какой-то заграницы... И все было просто чудесно. Наверное, бабушка ошибалась: Александра всем нужна, всем необходима, вон сколько у нее друзей, и – самое главное! – Андрей, с которым она проживет долгую интересную жизнь...

Только одно маленькое сомнение, затаившееся в самом потаенном уголке души, не давало ей покоя. Вьедливое и коварное, как колорадский жук, которого нужно было обирать, ползая в жару на коленях вокруг кустов ненавистной картошки, оно отравляло Александре жизнь даже в самые лучшие мгновения. И ничем его было не истребить...

Ей казалось: по какой-то неведомой причине она, Александра Потапова, временно заняла чужое место. Об этом никто еще не догадывался, никто, кроме нее самой.

Так получилось, что место жены этого красивого, преуспевающего человека, подруги этих образованных, блестящих людей однажды оказалось почему-то свободным. То ли хозяйка отошла куда-то, то ли ее еще и вовсе не было, но Александра по какому-то непонятному стечению обстоятельств вдруг оказалась в ее владениях. И как самозванец, играющий чужую роль, как нищий, завладевший тронем принца, она ловила каждую секунду своего чужого счастья, упивалась ею и ждала беды, уверенная, что, когда обман раскроется, пощады ей не будет...

Так в общем-то все и вышло.

Нет, не осуждала Андрея его бывшая жена и – напрасно беспокоилась Вика Терехина – не собиралась возвращать его обратно.

Все наконец-то встало на свои места. Андрей прозрел и понял, что ему не место рядом с ней, никчемной толстой дурой, телевидение перешагнуло через нее, так и «не заметив потери бойца», как пелось в какой-то революционной песне, – самозванка получила по заслугам. И теперь нужно было начинать заново строить себя, возрождая из пепла, как возрождалась какая-то птица Феникс, историю которой Александра с детства не могла запомнить. Однако самое трудное и печальное состояло в том, что Александра не знала, для чего нужно стараться, кому понадобится новая, возрожденная Александра Потапова. Самой себе она была не нужна. Саму себя она ненавидела и презирала и знала, что теперь так будет всегда, что бы она ни делала, за что бы она ни взялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.